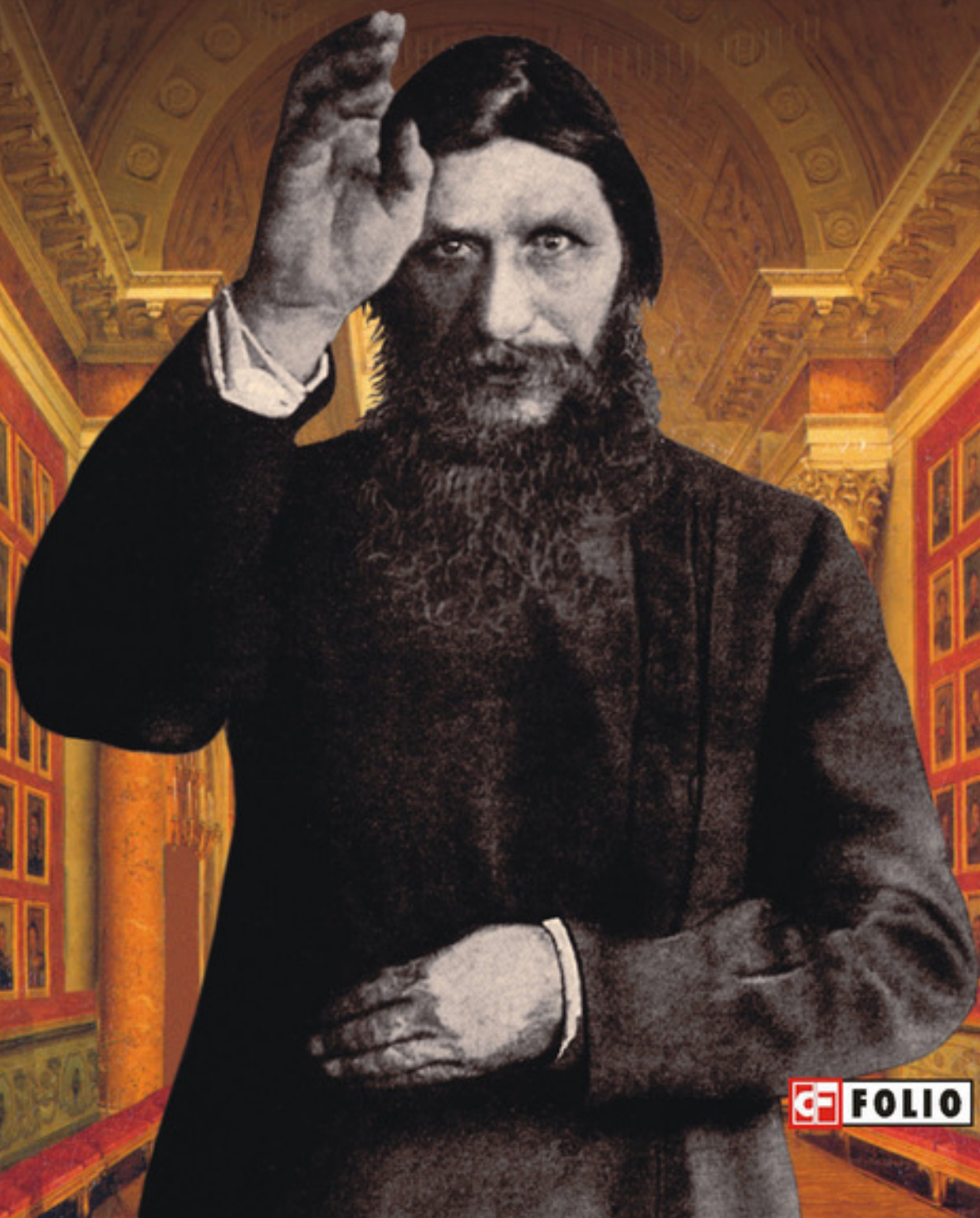

50

ЗНАМЕНИТЫХ
АВАНТЮРИСТОВ

100 знаменитых

Ирина Рудычева

50 знаменитых авантюристов

«Фолио»

2004

Рудычева И. А.

50 знаменитых авантюристов / И. А. Рудычева — «Фолио»,
2004 — (100 знаменитых)

Американский философ и поэт XIX века Ральф Эмерсон метко подметил: «В медицине, как известно, нельзя обойтись без ядов, а в жизни – без мошенников». Зачастую это люди одаренные, неординарные, стремящиеся к рискованным предприятиям и совершающие беспринципные и противозаконные поступки ради достижения наживы и легкого успеха, положения в обществе или самоутверждения. Именно такими являются герои этой книги. На ее страницах вы найдете увлекательный рассказ о жизни легендарных авантюристов: обладателя «эликсира бессмертия» графа Сен-Жермена, непревзойденного искателя приключений и любимца женщин Джакомо Казаковы, загадочного мага Алессандро Калиостро, «короля риска» Франсуа Видока, тайного агента шевалье д'Эона, фальшивомонетчика высочайшего класса Чеслава Боярского, изобретательной воровки Соньки Золотой Ручки, сибирского «пророка и целителя» Григория Распутина, основателя религиозного лжеучения Рона Хаббарда, создателей финансовых «пирамид» Джона Лоу, Сергея Мавроди, Валентины Соловьевой, компьютерного мошенника Владимира Левина и многих других мастеров авантюры. К четыремстам «сравнительно честным способам отъема денег», известным Великому комбинатору Остапу Бендеру, они добавили много других, не менее изобретательных.

© Рудычева И. А., 2004

© Фолио, 2004

Содержание

От авторов	5
ЛЕГЕНДЫ АВАНТЮРЫ	7
ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН	7
КАЗАНОВА ДЖОВАННИ ДЖАКОМО	14
ЛАТЮД ЖАН АНРИ МАЗЮР ДЕ	20
КАЛИОСТРО АЛЕССАНДРО	25
ЛА МОТТ ЖАННА ДЕ	32
ВИДОК ЭЖЕН ФРАНСУА	37
МАСТЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТРИГИ	43
АНКУДИНОВ ТИМОФЕЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ	43
Д'ЭОН ДЕ БОМОН ШАРЛЬ ЖЕНЕВЬЕВА	49
МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЕЛЬ РИКЕТИ ДЕ	56
УГРЮМОВА МАРИЯ ТЕРЕЗА	62
МЕДОКС РОМАН МИХАЙЛОВИЧ	67
СОБАНЬСКАЯ КАРОЛИНА	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

И. А. Рудычева, Яна Батий, Ольга Исаенко

50 знаменитых авантюристов

От авторов

Как метко подметил однажды американский философ и поэт XIX века Ральф Эмерсон: «В медицине, как известно, нельзя обойтись без ядов, а в жизни – без мошенников». Однако мошенничество – только одно из проявлений авантюризма. Наряду с ним существовало и существует множество других разновидностей авантюристов – политических интриганов, основателей лжеучений, искусных мистификаторов, да и просто искателей приключений и любителей острых ощущений, – словом, людей, стремящихся к рискованным предприятиям и совершающих беспринципные и противозаконные поступки не только ради наживы, но и для достижения легкого успеха, положения в обществе или самоутверждения.

Хотя, по мнению английского поэта XVIII века Самюэла Джонсона, «чтобы лгать и обманывать, выдающих способностей не требуется», среди знаменитых авантюристов было немало людей несомненно одаренных, личностей неординарных, наделенных от природы многими талантами. Вот только их способности и энергия в силу жизненных обстоятельств или природных наклонностей чаще всего служили целям недостойным, а подчас и губительным как для окружающих, так и для них самих. Именно такими и являются герои этой книги. Многие из них, имея неплохие задатки, в погоне за наживой или несбыточной мечтой растратили свои силы впустую, и, так и не добившись счастья, окончили свои дни в нищете и забвении. Другие – стали легендами авантюры и под этим сомнительным титулом все же вписали свои имена в историю. Такими вечными символами авантюризма, несомненно, являются обладатель «эликсира бессмертия» граф Сен-Жермен, непревзойденный искатель приключений и любимец женщин Джакомо Казанова, загадочный маг Алессандро Калиостро, «король риска» Франсуа Видок, тайный агент шевалье д'Эон, фальшивомонетчик высочайшего класса Чеслав Боярский, изобретательная воровка Сонька Золотая Ручка, сибирский «пророк и целитель» Григорий Распутин, основатель религиозного лжеучения Рон Хаббард и многие другие.

Авантюристы существовали во все времена. Но по общему признанию, наиболее отмечен ими XVIII век, ставший поистине классической эпохой великих талантов наглости и мистического обмана. Именно тогда появилась необходимая питательная среда для всякого рода «непризнанных гениев», ловких проходимцев и бретеров. Вот как писал о них в своей книге «Казанова» Стефан Цвейг: «Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae aurī* (приготовления золота)... Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью, – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и, благодаря этому, вдвойне интересной...»

В наши дни изменился разве что антураж авантюристов, да более совершенными и изощренными стали используемые ими методы. К тем четырёмстам «сравнительно честным способам отъема денег», которые были известны Великому комбинатору Остапу Сулейману Берте Марии Бендеру, добавилось много новых. В их числе телефонные и компьютерные преступления, совершаемые хакерами для добычи и использования в своих корыстных целях чужой информации. Не менее искусными стали финансовые махинации, основанные на последних

достижениях научно-технического прогресса... и знании особенностей человеческой психологии. Благодаря этому создатели современных финансовых «пирамид» намного превзошли своего именитого предка – шотландского финансиста Джона Лоу. Поэтому, знакомясь с увлекательными биографиями знаменитых авантюристов прошлого, не стоит забывать о настоящем. Ведь, как писал поэт Игорь Губерман:

«Всегда вокруг родившейся идеи,
сулящей или прибыль, или власть,
немедленно клубятся прохиндеи,
стараясь потеснее к ней припасть».

ЛЕГЕНДЫ АВАНТЮРЫ

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

(род. ок. 1710 г. – ум. ок. 1784 г.)

Авантюрист и алхимик. Величайший мастер мистификации, чье имя тесно связано с магическими возможностями достижения бессмертия.

Среди авантюристов, когда-либо ходивших по земле, нет и вряд ли появится имя, загадочнее имени графа Сен-Жермена. Недаром еще король Пруссии Фридрих II Великий любил повторять, что граф – это человек, которого никто не может разгадать. Таинственный, подернутый дымкой, ускользающий образ, созданный им самим и многочисленными рассказами современников и их потомков уже давно стал символом бессмертия и тайных знаний, недоступных непосвященным.

О многих авантюристах сложено немало легенд, но лишь Сен-Жермен сам стал легендой. Легенда эта, однако, сложена о вполне реальном человеке, жившем не так давно, в XVIII столетии. Известны письма, написанные им собственноручно, воспоминания современников, некоторые архивные данные. Однако эти сведения не дают ответа на большинство вопросов, связанных с именем Сен-Жермена.

Появление этой личности именно в этот исторический период вполне закономерно. «Восемнадцатый век не доверял ничему, кроме магии, поскольку смутные убеждения – это

религия душ, лишенных истинной веры», – так писал известный знаток истории магии и поклонник тайных, недоступных для непосвященных, знаний Элифас Леви. Ему нельзя отказать в проницательности.

Знаменитая эпоха Просвещения отринула религиозный экстаз Средневековья, но вслед за Возрождением с упоением продолжила занятия алхимией и оккультизмом. Несмотря на твердую веру людей той эпохи в решающую роль разума и науки в познании «естественного порядка», научное познание многими воспринималось своеобразно. Знаменитое Великое Делание (поиски «философского камня») алхимиков и попытки создания ими эликсира бессмертия продолжали занимать умы ученых и знати. Получение этих таинственных рецептов казалось вполне реальным. На веру принимались и слухи о том, что «философский камень» и вожденный эликсир уже созданы и используются некоторыми посвященными в тайные науки.

В такой обстановке внимание людей не мог не привлечь человек, давший понять окружающим, что владеет секретом и того и другого. Но шарлатаны-алхимики, в том числе не раз облаченные при жизни, известны во множестве. Однако никто из них не обрел славы, равной славе человека, известного в Париже под именем графа Сен-Жермена.

Имя это, впрочем, считают вымышленным. Поговаривали, что граф приобрел в Тироле имение под таким названием и заплатил Папе Римскому за титул. Однако по его собственной версии, он, будучи еще младенцем, был отдан отцом на попечение последнего из Медичи, а когда вырос и узнал, что два его брата, сыновья княгини Гессен-Рейнсфельдской, получили имена святого Карла и святой Элизабет, то решил взять себе имя их брата, тоже святого, Сен-Жермена.

Носил наш герой и другие имена. Известно около двенадцати его псевдонимов: Аймар, маркиз де Монферрат, граф Феникс, граф Белламар, граф де Беллашаре, шевалье де Шеннинг, шевалье Велдон, граф Тародь, граф Салтыков и другие.

Однако настоящее имя знаменитого графа до сих пор не известно, как неизвестно его происхождение, место и даже год рождения. По данным «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», он родился около 1710 года. Большинство же других справочных изданий по этому поводу хранят молчание.

О происхождении Сен-Жермена имеется множество предположений, но все они остаются малообоснованными догадками. Создательница теософии Елена Блаватская, не приводя, впрочем, никаких свидетельств, упоминает, что Сен-Жермен был сыном португальского короля или португальского еврея. Другие, подтверждая еврейские корни, называют его родиной Эльзас.

Сам граф в беседе со своим покровителем и горячим поклонником князем Карлом Гессен-Кассельским как-то упомянул, что приходится сыном князю Ракоци из Трансильвании, руководителю венгерского национального восстания против власти австрийских Габсбургов. Его он действительно несколько напоминал чертами лица. Известно также, что в Дрездене Сен-Жермен жил под именем Ракоци, а иногда использовал псевдоним Цароки, что представляет собой анаграмму родового имени.

Карл Александр, маркграф Бранденбургский, был убежден в том, что Сен-Жермен действительно был сыном Ференца II Ракоци. Известно, что 26 мая 1696 года у него от второй жены, княгини Гессен-Рейнсфельдской Карлы Амалии родился сын, Леопольд Георг, по-венгерски Липот Дьердь. Но документально подтверждено, что мальчик умер в младенчестве. Это, однако, не помешало многим утверждать, что трансильванский князь, чтобы оградить наследника от преследований со стороны Габсбургов, имитировал его смерть, а сына отдал на воспитание.

В то же время теософ Фрэнсис Адни утверждает, что Сен-Жермен является самым Ференцем Ракоци, который был известен своим увлечением философией и мистицизмом. Этому же мнения придерживается и русский религиозный философ Елена Рерих. Кроме того,

автор учения «Живая этика» (Агни-йога) считала Сен-Жермена-Ракоци Великим Учителем и воплощением великого древнекитайского мудреца Лао-цзы.

Все это представляет собой смесь слухов и домыслов, густо приправленных эзотерическим соусом. Посмотрим теперь, что же известно о жизни знаменитого графа. Тоже почти ничего, если убрать слухи, которым несть числа.

В 1750 году маршал Франции, герцог К. Ф. Бель-Иль в Германии познакомился с графом Сен-Жерменом, о котором до этого никто ничего не слышал, но который обладал прекрасными манерами, обширными знаниями и, судя по всему, имел несметные богатства. Маршал представил нового приятеля Людовику XV и маркизе Помпадур, которые очень заинтересовались странным незнакомцем.

На вечно одолеваемого скукой Людовика граф произвел неизгладимое впечатление, особенно тем, что на его глазах одним движением руки уничтожил трещину на бриллианте в кольце короля. Он поразил воображение Людовика и его фаворитки глубокими знаниями в области алхимии. Кроме того, граф оказался блестящим рассказчиком, повидавшим свет и знающим множество исторических анекдотов. Создавалось впечатление, что он был очевидцем излагаемых событий.

Нашлись у короля с Сен-Жерменом и общие интересы. По приказу Людовика для графа была создана лаборатория, где тот начал работы по созданию новых красок для французских тканей. Сен-Жермен преуспел в этом деле, и его красящие составы долгое время использовались французскими красильщиками.

Графа начали приглашать к королевскому двору, а вскоре кто-то из придворных вспомнил, что уже видел этого человека в разных городах Европы. Причем за долгое время он умудрился совсем не постареть. Придворные стали поговаривать, что он владеет эликсиром бессмертия.

А таинственный граф старался их не разочаровывать и на ходу творил легенду, быстро обрастающую новыми подробностями. К этому были привлечены даже слуги. Один из них на вопрос, правда ли, что графу на самом деле 400 лет, ответил, что не знает, но служит у него уже 30 лет, и за это время его сиятельство несколько не изменился.

Сен-Жермен вел тонкую игру. Он явно стремился скрыть свое прошлое и обходил естественно возникающие вопросы молчанием, но иногда будто бы невзначай проговаривался о том, что лично встречался с Сенекой, Платоном, Ашшурбанипалом и даже с Христом. А потом делал вид, что огорчен своей оплошностью. Многие обрели твердую уверенность в бессмертии графа, а маркиза Помпадур даже молила его поделиться с ней эликсиром, но получила отказ.

Легенда настолько утвердилась в сознании людей, что несколько позже, во время пребывания Сен-Жермена в Лондоне, солидная газета «Лондон кроникл» в номере от 3 июня 1760 года упоминала о том, что граф владеет секретом бессмертия, и с большим уважением отзывалась о его уме и обширнейших знаниях.

Правду о Сен-Жермене восстановить практически невозможно, хотя бы потому, что почти все связанные с ним документы погибли. Император Наполеон III приказал собрать их в архивах Франции и хранить вместе. Однако в данном случае благие намерения императора сослужили плохую службу историкам. Документы сгорели во время осады Парижа в ходе франко-прусской войны.

Ситуацию запутали похождения «двойника» Сен-Жермена, который появился в Париже в начале 60-х годов XVIII века. На самом деле во время Семилетней войны он был французским шпионом и, чтобы получить сведения о состоянии английской армии, выдавал себя за лорда Гоуэра. Подражая графу, мнимый Сен-Жермен небрежно замечал, что присутствовал на Вселенском Церковном Соборе в Никее, который состоялся в IV веке. Авантюрист был разоблачен, но отдельные факты его деятельности позже наверняка стали связывать с Сен-Жерменом.

К сожалению, вокруг имени графа по сей день не прекращаются попытки приписать ему совершенно невероятные действия и стремления. Как правило, их авторы основываются только на предположениях и даже не пытаются подтвердить их документально. Вот один из таких примеров. Не так давно на страницах Интернета появилась публикация, где выдвигается гипотеза о том, что Сен-Жермен был... украинцем и принадлежал к старинному казацкому роду Раковичей. Эта гипотеза основана только на созвучии фамилии с именем Ракоци и романтическом предположении о том, что Сен-Жермен в молодые годы воевал на стороне Мазепы, что заставило его покинуть Украину. Поскольку Мазепа после Полтавской битвы бежал по направлению к современной Молдове, то оттуда наш герой мог попасть в Трансильванию. Двинувшись дальше, он, опять-таки, лишь мог присвоить себе имя Ракоци. Боясь гнева царя, который наверняка никогда не слышал о Раковиче, казак якобы и дальше предпочел жить под псевдонимами, используя в своих целях пресловутое «золото Полуботка». А целью Раковича была месть русским царям за порабощенную Украину, поэтому он и посадил на российский трон Екатерину II, в результате чего пресекся род Романовых. И вся эта история не содержит ни малейших ссылок хотя бы на легенды, которых так много сложилось вокруг имени знаменитого авантюриста. По сути гипотеза не отражает ничего, кроме горячего желания видеть среди славных сынов Украины еще одно знаменитое имя, пусть даже сомнительного свойства. Реальные события были куда интереснее.

Очевидно, Сен-Жермен был действительно необыкновенным человеком, своим поведением далеко выходящим за рамки тривиального авантюризма. Во всех рассказах о нем нет ни малейшего намека на стремление воспользоваться плодами своих мистификаций, чтобы получить выгоду. Он действовал как художник – творил свой загадочный образ на глазах очарованных зрителей.

Сен-Жермен быстро прослыл искусным алхимиком и предсказателем, был превосходным музыкантом и художником. Говорят, что он предвидел судьбу династии Бурбонов и Французскую революцию.

Граф вел роскошный образ жизни, черпая средства из неизвестных источников. Все были убеждены, что он владеет секретом «философского камня» и добывает золото из ртути, а из мелких драгоценных камней делает крупные и небывалой красоты. Великолепную коллекцию драгоценных камней видели многие. Граф легко раздаривал их. С не меньшим удовольствием презентовал дамам кремы собственного изготовления, которые продлевали им молодость и сохраняли красоту.

Об одном из алхимических «подвигов» Сен-Жермена рассказывал некто шевалье де Зайнгалт, тоже занимавшийся алхимией. Граф встретил его в восточной одежде, окруженный батареей таинственных пузырьков. Получив от гостя монету в 12 су, хозяин положил ее на раскаленный уголь и начал манипулировать стеклодувной трубкой. Потом он остудил монету и отдал ее Зайнгалту. Пораженный шевалье увидел, что она золотая, а впоследствии подарил ее маршалу Киту.

Блестящий собеседник, граф мог разговаривать на любые темы. Драгоценные камни и золото на картинах, им нарисованных, сверкали как настоящие. А его игра на скрипке была так виртуозна, что ее по богатству звучания приравнивали к оркестру. А некий литовский барон, которому довелось слышать Паганини, воскликнул после концерта: «Это воскресший Сен-Жермен играл на скрипке в теле этого итальянского скелета!»

Ни у кого из видевших графа не возникало ни тени сомнения в том, что он действительно бывал на Востоке, где постигал тайны древней мудрости. Это подтверждалось знанием не только европейских, но и восточных языков, которыми он изредка щеголял перед знакомыми. Пишут, что помимо английского, французского, немецкого, итальянского, португальского, испанского языков, которыми граф владел в совершенстве, он был сведущ в латыни,

древнегреческом, санскрите. Знал также русский, китайский, персидский, арабский, некоторые наречия Индии, на которых умел изъясняться и писать.

Рассказы Сен-Жермена о дальних странах, как и рассказы о дворе Франциска I и Людовика XIV, поражали яркими красками и достоверными деталями. Слушавшие его как бы собственными глазами видели великолепный французский двор тех времен и слушали Короля-Солнце, интонации и манеры которого граф ловко имитировал. У слушателей создавалась полная иллюзия того, что их собеседник действительно видел все это.

На вопросы о своем возрасте граф никогда не давал прямого ответа. Отрицал, что может дать молодость старикам, но давал понять, что знает, как остановить старение. Нужна была диета и чудодейственный эликсир, секрет которого граф так никому и не раскрыл. Своим поведением Сен-Жермен подтверждал все это. Во время званных обедов ничего не ел, а дома употреблял только овсяную кашу, крупяные блюда и белое мясо цыплят. По большим праздникам выпивал немного вина.

Имеют место небезосновательные утверждения, что Сен-Жермен был тайным агентом ряда европейских держав. Родоначальник готического романа Хорас Уолпол уверял, что еще в 1743 году Сен-Жермен был арестован в Лондоне как агент сторонников опального герцога Йоркского, будущего короля Англии Якова II. А во Франции графа начали подозревать в связях с Пруссией (что, впрочем, доказано не было).

Сен-Жермен действительно был сторонником антиавстрийской партии, то есть отдавал предпочтение союзу Франции с Пруссией, а не с Австрией. Эту партию возглавлял его покровитель герцог Бель-Иль. Ему противостоял министр иностранных дел герцог де Шуазель, пользовавшийся большим влиянием при дворе. Сен-Жермен не мог не мешать ему. Ведь таинственный граф предсказал королю, что сокрушительные поражения, которые потерпел прусский король Фридрих II от русской армии, не станут причиной разгрома Пруссии, и оказался прав. После смерти Елизаветы Петровны ее наследник Петр III, преклонявшийся перед Фридрихом, поспешил заключить мир. Людовик и мадам Помпадур были в восторге от своей новой игрушки. Но Шуазель ждал своего часа и дождался его.

Известно, что Сен-Жермен все же был тайным агентом Людовика и осуществлял его личную дипломатию. В 1760 году по приказу короля он был направлен с секретным поручением в Гаагу, чтобы провести тайные переговоры с английским послом генералом Йорком. Видимо, имели место и другие поручения. Здесь графу довелось встретиться с другим авантюристом – Казановой, которому незадолго до того по приказу французского правительства удалось выведать всю информацию об английской эскадре. Казанова, который увидел в Сен-Жермене опасного конкурента, очернил соперника в глазах французского посла д'Афри. А последний, видимо, поспособствовал неудаче переговоров графа с английскими и прусскими представителями. Сам Сен-Жермен тоже вел себя не слитком осторожно. Он увлекся и, продолжая создавать вокруг себя ореол загадочности, прозрачными намеками дал понять окружающим суть своей миссии. А хуже всего было то, что граф позволил себе высказывания, в которых Людовик и его двор выглядели далеко не лучшим образом.

Некоторое время д'Афри, побаиваясь магических возможностей Сен-Жермена, молчал, но потом все же отправил своему начальнику Шуазелю подробное донесение о деятельности королевского посланника. Тот немедленно воспользовался ситуацией. На заседании министров в присутствии короля герцог зачитал эти документы, а д'Афри приказал вызвать Сен-Жермена и запретить ему вмешиваться в политику, пригрозив тюрьмой. Он также требовал выдачи графа голландскими властями. Однако кто-то из друзей предупредил его, и тот успел бежать в Англию.

В Туманном Альбионе, однако, Сен-Жермен долго не задержался. Власти не хотели портить из-за него отношения с французским министром иностранных дел. Пришлось перебраться в Германию.

Однако существуют факты, которые противоречат такому ходу событий. В своих мемуарах Казанова утверждает, что в Лондоне Сен-Жермен выполнял задание Шуазеля и что он встретил графа в Париже уже в 1761 году, где тот прогуливался в обществе графа д'Юфре. То есть «сбежавшего» агента в столице никто не преследовал. Более того, один из мемуаристов того времени, ссылаясь на д'Юфре, рассказал Шуазелю про присутствие Сен-Жермена в Париже. Ответ герцога изумил рассказчика. Министр сказал: «Я не удивляюсь этому, так как он провел ночь в моем кабинете».

В 1762 году граф неожиданно появился в Петербурге, что дало повод говорить о его участии в заговоре по возведению на трон Екатерины II. Именно он будто бы уговаривал Екатерину не проявлять жестокости к Петру III и не «растворять любодееяние убийством».

Известно, что граф был близким другом Орловых, с которыми познакомился еще в 1772 году в Ливорно. В ближайшем окружении Екатерины был некто «господин Оден», который принадлежал то ли к масонам, то ли к розенкрейцерам. Датский посланник в России А. Шумахер был убежден, что под этим именем скрывался Сен-Жермен.

Любопытно, что довольно много историков считают причастными к перевороту тайные организации эзотерического толка. Некоторые в этой связи называют тайным организатором заговора Сен-Жермена. Об этом в своей книге «История французской колонии в Москве» писал историк Ф. Тастевэн. А в наши дни историк Р. Белоусов утверждает: «Что касается роли Сен-Жермена в этой истории, то, повторяю, этому есть лишь косвенное свидетельство. Но фактом остается то, что граф был другом, доверенным лицом Орлова, помогал ему в Петербурге накануне переворота 1762 года и будто бы даже Орлов выплачивал «дорогому отцу» крупные суммы за предсказания будущих побед Екатерины II и за помощь в воцарении ее на российском престоле».

Таким образом, Сен-Жермен вдруг выступает перед нами в одной своей ипостаси – как участник тайных обществ, тамплиер, розенкрейцер либо масон. А если придерживаться точки зрения поклонников оккультных «наук», то не простым участником.

Причастность Сен-Жермена к модному в эпоху Просвещения масонству можно считать доказанной. В своих мемуарах Калиостро прямо называет его одним из основателей масонства, а также говорит о том, что граф посвятил его в орден тамплиеров. Этот орден, правда, по историческим данным, был уничтожен еще в 1312 году французским королем Филиппом IV Красивым и папой Климентом V. Однако и в наши дни существуют люди, которые называют себя тамплиерами. Они глубоко убеждены в том, что Сен-Жермен имел одно из высших посвящений ордена.

Другие шли еще дальше. В своем «Теософском словаре» Елена Блаватская писала: «Граф Сен-Жермен безусловно был величайшим восточным адептом, равного которому за последние столетия в Европе не было». Теософское общество уверяло, что он является одним из посвященных, членом «Небесной Матрейи». А современные оккультисты различных толков считают его Адептом, называют Посланцем Гималаев, Чоханом Седьмого луча, посланцем Светлых миров. Они также относят его к числу таинственных духовных руководителей человечества, посланцем школы Мистерий, выполняющим указы высших сил. Они искренне верят, что граф время от времени удалялся в сердце Гималаев, чтобы через некоторое время вновь появиться среди людей. Поводом для этого, видимо, послужили мемуары некоего Франца Греффера, опубликованные в Вене в 1845 году. В них автор заявляет, что Сен-Жермен будто бы сказал ему: «В конце (XVIII) столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи... Ровно через 85 лет люди опять увидят меня». Кроме того, авторству Сен-Жермена приписывается эзотерический труд «Тринософия», полный мистических символов и «сокровенных знаний», которые вряд ли кто-нибудь в состоянии понять.

В 1770–1774 годах граф вновь подвизался в Париже, потом перебрался в Германию. По некоторым данным, он жил в Касселе у ландграфа Карла Гессенского, правителя области Шлез-

виг (Ютландия) и своего близкого друга. Там он занимался алхимией. В 1795 (по другим данным в 1793) году во время проведения экспериментов с красителями заболел и, несмотря на обилие лекарств, которые готовил его личный аптекарь, умер. Карл в это время отсутствовал и очень сокрушался о своей потере.

Такова одна из версий. По другой, Сен-Жермен умер в Экернферде (Шлезвиг) 27 февраля 1784 года и 2 марта был похоронен, о чем имеются соответствующие записи в церковно-приходской книге.

Несмотря на это, теософы продолжают утверждать, что граф бессмертен. По их версии, в 1884 году он якобы прошел через так называемую «философскую смерть»¹ и что так до него уже делали Фрэнсис Бэкон и Ференц Ракоци, инсценировавшие свой уход в мир иной. При этом, кроме странного, на их взгляд, совпадения смерти с отсутствием Карла Гессенского, никаких доказательств «посвященные» в пользу своей точки зрения не приводят. Впрочем, один из современников графа писал, что ни на одной из могильных плит в Экернферде имени Сен-Жермена не значится, и прямо назвал его смерть мнимой.

Долгое время не утихали слухи о том, что Сен-Жермена уже после его смерти видели в различных местах, в том числе и люди, близко знавшие его. Мадам де Адемар писала о встрече с ним в Париже в 1789 году, а Франц Грефер – в 1790-м. В 1788 году французский посланник в Венеции встретился с графом на площади Сан-Марко и даже беседовал с ним. В 1785 году в Париже состоялась встреча франкмасонов. В сохранившемся списке его участников имя Сен-Жермена стоит наряду с именами Месмера и Лафатера.

Тридцать лет спустя в кулуарах Венского конгресса мадам Жанлис, увидев ничуть не изменившегося за это долгое время графа, бросилась к старому знакомому, но тот уклонился от встречи и тут же покинул Вену.

Еще более удивительная история приключилась с одним из отставных французских сановников, достигшим весьма преклонных лет. Гуляя по бульвару, он внезапно увидел совершенно не изменившегося за десятилетия Сен-Жермена. Старик не стал обнаруживать свое присутствие, а решил понаблюдать за странным человеком. Вскоре он узнал, где тот живет и что его имя – майор Фрезер. Заинтригованный француз нашел предлог для знакомства и три раза имел с майором довольно долгие беседы, во время которых тот рассказывал ему много такого, что могло быть известно только очевидцу, жившему много лет назад. Однако в третий раз старик осторожно обмолвился, что знал когда-то Сен-Жермена. Фрезер поспешил проститься, а на другой день его собеседник узнал, что тот спешно покинул Париж в неизвестном направлении. Полагают, что Сен-Жермен не узнал сильно постаревшего знакомого, а поняв, что тот может раскрыть его инкогнито, решил бежать.

Последний раз графа видели в декабре 1939 года, однако достоверность этого факта доказана быть не может. Ведь все, кто мог его знать лично, к тому времени уже умерли. Это, однако, не исключает того, что в один прекрасный день на страницах современных газет появится сообщение о встрече с воскресшим Сен-Жерменом, который, оправдывая один из своих псевдонимов, как птица Феникс время от времени восстает из пепла забвения. Так что в отношении нашего героя остаются и наверняка останутся актуальными слова, сказанные когда-то великим скептиком Фридрихом Великим: «Это человек, который не умирает».

¹ Автор известной книги «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии» Мэнли П. Холл по поводу «философской смерти» пишет: «Когда приходило время для инициации человека в члены Ордена [розенкрейцеров] и время потрудиться во славу его, он “умирал” при непонятных обстоятельствах. На самом деле он менял дом, имя, и вместо него в могилу клался мешок камней или песка».

КАЗАНОВА ДЖОВАННИ ДЖАКОМО

(род. в 1725 г. – ум. в 1798 г.)

Венецианский авантюрист международного масштаба. Его имя стало нарицательным – синонимом любвеобильности, распущенности и плутовства. Современники же знали его еще и как человека крайне разносторонних талантов – алхимика, юриста, математика, музыканта, финансиста, историка. Автор всемирно известных мемуаров.

Джакомо Казанова относится к тем людям, которых знает весь мир. Он был знаменит при жизни, не забыли о нем и после смерти. О нем слагают песни, причем далеко за пределами его родины. О нем сочиняют стихи. Он герой фильмов и книг. Сам же о себе он писал: «Я, Джакомо Казанова, венецианец, по склонностям – ученый, по привычкам – независимый человек и настолько богат, что не нуждаюсь ни в чьей помощи. Путешествую я для удовольствия. В течение моей долгой страдальческой жизни я являюсь жертвой интриг со стороны негодяев». Каким же он был, этот интереснейший человек, собеседник коронованных особ, узник европейских тюрем и завсегдатай игорных и публичных домов?

Единственное, что досталось родственникам Казановы после его смерти, – рукопись, на титульном листе которой значилось: «Жак Казанова де Сейнгальт, венецианец. История моей жизни». Почему Жак? Да потому, что последние годы жизни Джакомо провел во Франции. А вот «шевалье де Сейнгальт» – это он выдумал. Чего только ни напридумывал Казанова за свою жизнь, но в этом титуле мало кто сомневался. Как-то в Германии его спросили, почему он носит фальшивое имя. Казанова с присущим ему остроумием возразил, что это не так: он

просто взял из алфавита, который не является чьей-то собственностью, восемь букв. Этому имени никто не носит и, соответственно, у него не оспаривает. А подлинно оно настолько, что он получил по нему пятьдесят тысяч гульденов у банкира Карли. Сам же Казанова в него верил так искренне, что даже подписывал им не только векселя и другие финансовые документы, но и свои книги. Хотя однажды и признался: «Я не родился дворянином – дворянства я добился сам».

Родилась будущая знаменитость 2 апреля 1725 года в Светлейшей Республике Венеция в семье дочери сапожника актрисы Дзанетты Фаруси и актера Гаэтано Казановы. Впрочем, есть основания полагать, что подлинным отцом мальчика был венецианский патриций Микеле Гримани. Вопрос о происхождении был для Джакомо всегда чрезвычайно болезненным.

В семье Казановы, как во всякой итальянской семье, было много детей. Джакомо был первенцем и имел трех братьев и сестру. Некоторые исследователи полагают, что один из братьев – Франческо – является незаконнорожденным сыном короля Англии Георга III. Он родился после того, как его мать стала любовницей принца Уэльского, когда играла в Лондоне в итальянской комедии.

Впоследствии Франческо Казанова стал известным художником-баталистом. Это ему Екатерина Великая заказала картину «Битва в Очакове», которая хранится в Эрмитаже. Еще один брат Джакомо тоже стал художником, учеником Менгса и директором Дрезденской академии художеств, а третий, Гаэтано, – священником и проповедником. Сестра Мария Магдалина была танцовщицей Дрезденского оперного театра.

Вернемся, однако, к нашему герою. С самых юных лет Джакомо проявил себя чрезвычайно одаренным ребенком. В воспоминаниях он пишет о том, что в двенадцать лет уже обучался в Падуанском университете, а в восемнадцать защитил диссертацию по праву. В Падуе он поначалу жил в пансионе у доктора Гоцци, который кроме знакомства с науками давал ему еще и уроки игры на скрипке. Вернувшись в родную Венецию, Казанова почему-то решает посвятить себя Богу и избирает стезю священника. Однако из церкви Сан-Самуэле, где он добился должности проповедника, ему пришлось уйти уже после второй проповеди. Причиной послужил пьяный обморок, случившийся с юным священником прямо на кафедре. Правда, этот случай не послужил ему уроком. Джакомо перебрался на остров Мурано в семинарию Сан-Киприано, откуда его через некоторое время со скандалом исключили за поведение, неподобающее духовному лицу. Он был отправлен на исправление в один из венецианских фортов на входе в Адриатику. Именно здесь будущий гениальный обольститель получил первую из своих «профессиональных» болезней, ведь внутри крепости он был совершенно свободен, чем и не преминул воспользоваться, и красавица-гречанка сделала ему такой незабываемый «подарок».

Расставшись с рысой священника, Казанова поступил на военную службу. На острове Корфу он становится адъютантом командующего флотом Джакомо да Рива. В 1746 году, вернувшись наконец в Венецию, Джакомо получает место рядового скрипача в театре Сан-Самуэль. Он играл на свадьбах, вечеринках и даже помогал знаменитому Антонио Вивальди в сочинении ораторий. И, конечно же, обольщал многих женщин.

Однажды темной ночью весной 1746 года Казанова встретил человека в красной мантии, который на его глазах уронил письмо. Джакомо поднял и вернул это письмо хозяину. Человеком в мантии оказался венецианский сенатор Маттео Джованни Брагадин. В знак благодарности он предложил подвезти Казанову на своей гондоле. В пути у сенатора случился удар. Казанова приказал остановить гондолу и разыскал врача. После оказания первой медицинской помощи Казанова доставил больного домой, куда немедленно прибежали двое друзей сенатора – венецианские патриции Марко Дандоло и Марко Барбаро. Оценив действия врача, Джакомо понял, что тот неправильно лечит пациента, и немедленно принялся за дело сам. Наутро сенатор чувствовал себя превосходно. Так произошло знакомство Казановы с его покровителем, который в знак признательности усыновил его.

Венецианские патриции тайно занимались каббалистикой и алхимией. Казанова признался им, что сам этим увлекается и что у него есть свой каббалистический метод, хотя он не совсем уверен в его надежности. Патриции взялись проверить и... метод подействовал. Брагадин, Барбаро и Дандоло задавали разные вопросы, а оракул давал им именно те ответы, которых они ожидали. Так патриции убедились, что молодой Казанова – великий чародей.

Трюк со своим каббалистическим методом Джакомо применит еще не раз, в особенности в Париже с мадам д'Юрфе, богатой маркизой, которая слепо верила в магические способности Казановы. Почтенная маркиза, страстно увлекавшаяся оккультными науками и даже устроившая у себя в доме алхимическую лабораторию, имела маленькую слабость: госпожа д'Юрфе хотела жить вечно. Казанова успешно сыграл на ее мечте, пообещав совершить магический обряд перерождения и воплотить дух маркизы в ее собственных потомках.

Оставив музыкальное поприще, Джакомо, пользуясь дружбой и покровительством Брагадина, поселился в его доме в качестве названного сына и стал на досуге заниматься магией и предсказаниями. Свой тогдашний образ жизни авантюрист охарактеризовал в нескольких словах: «Я был не беден, одарен приятной и внушительной внешностью, отчаянный игрок, расточитель, краснбай и забияка, не трус, поклонник женского пола, ловкий устранитель соперников, веселый компаньон... Я наживал себе врагов на каждом шагу, но я умел постоять за себя и потому думал, что могу позволить себе все, что угодно».

Однако покровители Казановы сенатор Брагадин и его друзья Барбаро и Дандоло так не думали и посоветовали ему на время удалиться из Венеции. Патриции опасались, что государственная инквизиция может обвинить их друга в богохульстве и чернокнижии.

В 1750 году Джакомо отправился во Францию: «В Лионе я сделался вольным каменщиком. Два месяца спустя, в Париже, поднялся я на вторую ступень, а еще через несколько месяцев – на третью, иными словами, стал мастером. Эта ступень высшая. Все прочие титулы, какие даровались мне с течением времени, – всего лишь приятные выдумки и, хоть и имеют символический смысл, ничего к званию мастера не добавляют».

Затем Казанова колесит по Центральной Европе. Где он только ни побывал и чем только ни занимался. Особо следует отметить его литературную и театральную деятельность. Вначале он переводит с французского для итальянской труппы Дрезденского Королевского театра, а затем и сам пишет в соавторстве комедию, которую ставит в этом же театре. Потом пишет еще одну комедию – «Молюккеида», и ее тоже ставят. А вот третья из поставленных пьес, видимо, не имела успеха, поскольку на этом театральная деятельность Джакомо в Дрездене заканчивается.

Попутешествовав еще немного, Казанова вернулся в Венецию, где продолжил прежний образ жизни. Наконец инквизиция обращает на него внимание, и 26 июля 1755 года Джакомо был обвинен в масонстве, распущенном образе жизни, вольнодумстве и оккультизме и приговорен к пятилетнему содержанию под стражей во Дворце дождей. Но уже через 15 месяцев Казанова бежал из тюрьмы Пьомби, о чем впоследствии рассказал в «Истории моего бегства», написанной на французском языке и опубликованной в Праге в 1788 году. Бегство из считавшейся неприступной тюрьмы, да еще из камеры, запертой на множество замков, наделало в Европе много шума. Ход, прорубленный ровно в полночь на свинцовую крышу темницы, принес Казанове славу мага и авантюриста. А ведь беглец-то был не один – вместе с венецианцем бежал падре Балби, сидевший за распутный образ жизни. Запугав надзирателя, они объединили усилия, проделав лазы в потолках камер, и уже вдвоем продырявили крышу. Знакомый сюжет, не правда ли? Знал ли его А. Дюма, когда писал «Графа Монте-Кристо»?

Понятно, что оставаться в Венеции было небезопасно. И Казанова едет во Францию. Еще будучи совсем юным, он познакомился с графом Лионским, аббатом де Берни, тогда послом Франции в Венецианской республике. В 1757 году Берни назначают министром иностранных дел. И на столь высоком посту он не забывает о нашем герое. Вот как об этом вспоминает

сам Казанова: «Мсье де Берни принял меня как обычно, то есть не как министр, а как друг. Он поинтересовался, не соглашусь ли я выполнить несколько секретных поручений». Какой авантюрист не согласится стать шпионом? Наш согласился.

Первое свое задание Казанова описывает так: «В начале мая аббат де Берни известил меня письмом, что я должен поехать в Версаль для встречи с аббатом де Лавилем. Последний спросил, готов ли я посетить восемь или десять военных кораблей (французского флота. — *Прим. авт.*), стоящих на якоре в Дюнкерке, и достанет ли мне сообразительности сойтись с тамошними старшими офицерами настолько коротко, чтобы прислать ему подробный отчет об общей вооруженности кораблей, о числе матросов, о боеприпасах всякого рода, о порядке управления и полицейской службе. Я ответил, что готов попытаться».

Такому милому и общительному человеку, как Джакомо, ничего не стоило выполнить подобное задание. Вот что писал о Казанове один из современников: «Он был бы красив, когда бы не был уродлив: высок, сложен, как Геркулес, лицо смуглое... Он горд, ибо он ничто и не имеет ничего... Богатая фантазия и природная живость, опыт многочисленных путешествий, испробованных профессий, твердость духа и презрение к житейским благам делают его человеком редкостным, интереснейшим для знакомства, достойным уважения и преданной дружбы небольшого числа лиц, снискавших его расположение». Джакомо легко вошел в доверие к множеству молодых офицеров Дюнкерка и даже к самому командиру здешней эскадры мсье де Барею. Всем пришелся по душе молодой человек с военно-морским прошлым, и они охотно отвечали на все его вопросы. Удивительно, но при всей легкости исполнения задания Казанова проявил недюжинную выдержку профессионала. Будучи заядлым игроком, он ни разу не сел к столу, не позволил себе и легкой интрижки и даже ограничивал себя во сне, посвящая время записыванию всего увиденного.

По возвращении в Париж его ждали пятьсот луидоров и высокая оценка его работы военно-морским министром де Кермилем. Однако аббат Берни не сумел надолго удержать за собой министерский пост, в 1758 году его сместили. Больше Казанову к шпионской деятельности не привлекали.

Потеря такой «почетной» работы совсем не лишила Джакомо средств к существованию. Еще в 1757 году он провернул самую значительную и замечательную авантюру своей жизни. При этом еще и самую прибыльную. Столько денег он не зарабатывал даже игрой, хотя считал ее своей основной профессией. Это была организация государственной лотереи в Париже.

Тогда король Франции задумал открыть Высшую военную школу. Но на эту затею требовалось 20 миллионов ливров. При этом правительство не хотело обращаться к помощи государственной или королевской казны, а намеревалось получить необходимую сумму от народа. Но как заставить людей добровольно раскошелиться? И тут на сцену вышел Казанова, предложив королю организовать лотерею. Он убедительно доказывал, что народ с готовностью станет раскупать лотерейные билеты, так как в розыгрыше будут довольно крупные призы, а вырученные деньги наверняка принесут королю прибыль. К тому же лотерея, по замыслу мошенника, должна была проводиться под эгидой короны, а не от лица частных предпринимателей, что значительно укрепило бы доверие к ней со стороны обывателей и рассеяло любые сомнения относительно честности и порядочности устроителей. В конце концов предложение приняли, и Казанова был назначен официальным представителем короля, ответственным за проведение лотереи. Тут-то он и развернулся, возглавив шесть из семи отделений по продаже лотерейных билетов. Казанове было назначено вознаграждение в 4 тысячи ливров.

В течение двух месяцев авантюрист богател и жуировал. Он нанял хорошую квартиру, шикарно ее обставил, обзавелся каретой и окружил себя роскошью, подобающей собирателю королевских миллионов. Вскоре его знал в лицо весь Париж. Всюду – в театрах, в гостях, на балу – к нему подходили люди, соблазненные возможностью выиграть, совали в руки деньги и просили прислать билеты лотереи. Чем все это кончилось, история умалчивает.

Итак, Казанова живет в Париже. У него два роскошных особняка, один из которых – «Пти Полонь» (Маленькая Польша). Это очаровательный дом с прекрасным садом, конюшней и даже баней. Чтобы обзавестись постоянным доходом, венецианец организует фабрику по производству шелковой материи с изящными рисунками. Однако все надежды на прибыльность предприятия не оправдались. Ни налоговые скидки, ни покровительство одного из принцев не смогли спасти Казанову от банкротства. А всему виной была его любвеобильная и не менее щедрая натура. Милые девушки-красильщицы как только могли старались угодить хозяину. И видимо, так в этом преуспели, что каждая получила от него в подарок по дому. А барышень было двадцать. Теперь можно понять, почему ни одна из многочисленных женщин Казановы никогда не предъявляла ему претензий. Фабрику пришлось продать, но это не спасло хозяина от ареста. Правда, заключение длилось всего два дня, после чего Джакомо освободил герцог Эльфег, заплатив залог.

Видимо с горя, Казанова решил прогуляться в Голландию, а затем и в Швейцарию. Ему захотелось навестить Вольтера, который жил недалеко от Лозанны. Пообщавшись с философом и энциклопедистом пять дней кряду, Джакомо понял, что пора возвращаться на родину.

Вернувшись, Казанова через каких-то очередных друзей познакомился с библиотекарем Ватикана кардиналом Пассионеи. Тот, в свою очередь, попросил у папы помилование для нового знакомого, и папа согласился.

Совсем недолго подышав воздухом Италии, Джакомо снова пускается в путь. Он мечется из страны в страну, из города в город. Его маршруты необъяснимы, недоброжелатели даже начинают поговаривать, что он служит инквизиции. В Берлине его представляют Фридриху II, и тот внезапно предлагает Казанове место преподавателя в кадетской школе. Однако сытая бюргерская жизнь быстро надоела нашему искателю приключений. И он пускается в очередную авантюру.

Так далеко на север Казанова еще не забирался. Россия покорила итальянца с первого взгляда. Она была ни на что не похожа, эта удивительная страна. Безусловно, европейская и в то же время совершенно иная. Шел 1764 год. Казанову интересовало все – «фабрики, церкви, памятники старины, собрания редкостей, библиотеки». Особое впечатление на южанина произвело крещение младенцев в ледяной воде и бешеная ревность купленной крепостной девки. В отличие от других коронованных особ, на Екатерину II Казанова ошеломляющего впечатления не произвел. И хотя она нашла его рассказы весьма занимательными, ко двору он не пришелся.

И снова дороги, дороги, дороги... Чем только ни занимался Джакомо до конца своей жизни! Продавал «рецепт вечной молодости» и «формулу философского камня», торговал красотой юных девушек: воспитывал их, давал образование и учил хорошим манерам, а затем за большие деньги «уступал» богатым аристократам. Но не только. Когда в революционной Франции настали дни якобинского террора, старый Казанова направил Робеспьеру гневное многостраничное письмо, где были такие слова: «Какое вы имеете право ломать жизни тысячам и тысячам людей ради “всеобщего счастья”? Надо оставить людям их убеждения, даже их предрассудки – об этом я спорил с Вольтером в 1760 году. Иначе вы делаете их несчастными».

Жизнь его протекала в бесконечных кутежах, романтических происшествиях и карточной игре. Казанова был настоящим сексуальным атлетом и неисправимым романтиком, для которого каждая встреча с женщиной являлась неповторимым праздником. В его мемуарах упоминаются имена 132 любовниц. А сколько их было не названо? Он считал, что семейная жизнь – это «могила для любви», и всегда предпочитал ей «невывразимую прелесть украденных наслаждений». Однако в конце концов наступило пресыщение, подкралось утомление. Все чаще в любовных делах, разного рода проделках и азартных играх Казанову стали подстерегать неудачи.

В 1763 году, находясь в Лондоне, 38-летний Казанова страстно влюбился в юную куртизанку Шарпийон, но встретил холодный и презрительный расчет, а не взаимность. И тогда, вспоминал он: «Я понял – молодость позади...»

После бурного романа с Шарпийон великий соблазнитель решил уйти на покой. В течение следующих тридцати лет в его жизни, вероятно, вообще не было женщин. Удовольствие Джакомо получал теперь лишь от еды, написания мемуаров и чтения. Он приступил к пространным воспоминаниям о своем веке, однако они долго не печатались, ибо современные ему издательства, видимо, боялись откровений Казановы, а следующее поколение романтиков вообще не верило в его существование.

В конечном счете, Джакомо пришлось вернуться в Венецию, где он нашел себе работу в качестве полицейского осведомителя, но в 1782 году очередной скандал вынудил его покинуть Италию.

Три просторные комнаты старинного замка в живописном уголке Северной Чехии стали последним пристанищем авантюриста и писателя Джакомо Казановы. Однажды на пути из Вены в Берлин в 1785 году он встретил графа Вальдштейна, который предложил дряхлеющему старцу (Джакомо шел седьмой десяток) стать библиотекарем в его замке, где тот и провел последние тринадцать лет своей жизни. Здесь из-под пера знаменитого венецианца вышли «Мемуары» и пятитомный роман «Искамерон». Воспоминания Казановы, написанные по-французски, доведены лишь до 1774 года. Как автор он понимал, что люди любят читать о молодом, красивом и удачливом герое. Вот цитата из его письма того времени: «Я решился бросить мемуары... ибо, перевалив за рубеж пятидесяти лет, я смогу рассказывать только о печальном...»

Он вел оживленную переписку с многочисленными адресатами в разных городах Европы, со многими даже встречался, но, в конце концов, превратился в вечно недовольного, больного и брюзжащего старика, который доживал свои дни почти в полном одиночестве. 4 июня 1798 года Джованни Джакомо Казанова скончался. Имя же великого итальянского авантюриста живет и поныне. И как бы там ни было, свой след в истории он оставил...

ЛАТЮД ЖАН АНРИ МАЗЮР ДЕ

(род. в 1725 г. – ум. в 1805 г.)

Самый знаменитый узник Франции, за свои авантюры пробывший в заключении без суда 35 лет.

Еще в XVIII веке в центре Парижа находилась одна из самых страшных тюрем Франции – Бастилия. Этот символ абсолютизма представлял собой высокое мрачное здание, окруженное глубоким рвом и увенчанное восемью башнями, по пять этажей в каждой. В верхних этажах не было окон. Летом там было невыносимо жарко, а зимой – так же холодно. На остальных этажах окна были настолько малы, да еще закрыты толстыми решетками, что лучи света едва проникали в камеры, в основном одиночные. Лишь немногие заключенные имели привилегию жить в обществе себе подобных. Помимо камер наверху, были еще и темницы, простиравшиеся под тюрьмой. Здесь заключенного ожидала постоянная сырость, спертый воздух никогда не проветриваемых камер, ворох полусгнившей соломы, заменяющий постель, кусок черствого хлеба да кружка вонючей воды. А напарниками его были крысы, черви и прочая мерзость, во множестве водившаяся в этих мрачных подземельях. Чего не доставало Бастилии, было в других тюрьмах. И через все это прошел Жан Анри Мазюр де Латюд, пробывший в заключении без всякого суда в общей сложности 35 лет.

После финансового кризиса 20-х годов XVIII века Франция только стала приходить в себя. Но поскольку это достигалось увеличением количества налогов и повинностей, сохранением феодализма и усилением абсолютной власти короля, то никак не способствовало благополучию страны. Смыслом жизни Людовика XV стали бесконечные развлечения: балы, охота, фаворитки... Тогда и возникло всевластие королевских фавориток, среди которых первенствовала маркиза де Помпадур. Она-то и стала причиной несчастий, обрушившихся на тогда еще совсем молодого Латюда, и, кстати, не его одного.

Жанне Антуанетте д'Этиоль, урожденной Пуассон, можно сказать, в жизни повезло. Еще в детстве ей нагадали, что она станет хозяйкой Версальского дворца, и она в это свято поверила. Дочь простого армейского интенданта была хороша собой, начитанна, умела играть на нескольких музыкальных инструментах и при этом была очень расчетлива. Замуж она вышла так, чтобы имя и деньги мужа дали ей возможность быть представленной ко двору. Вечно скукающий король быстро увлекся ею, но она, в отличие от других фавориток, прекрасно понимала, насколько переменчивы королевские пристрастия и сумела стать для Людовика XV незаменимой помощницей. Ее старания были оценены по достоинству: Жанна получила титул маркизы де Помпадур.

А Жан Анри Мазюр де Латюд был сыном драгунского подполковника. За время службы отец не нажил ни имения, ни состояния, хотя являлся кавалером ордена Св. Людовика. Жан Анри рано был предоставлен сам себе и мечтал о военной карьере. Окончив техническую школу в Париже, он поступил на службу в саперный полк и даже успел поучаствовать в войне с Голландией. Но в 1748 году война закончилась, а вместе с этим развеялись мечты о военной карьере: де Латюду, как и многим другим, не нашлось места в армии. Было ему тогда 23 года. Оставшись без средств к существованию, Жан Анри нанялся на работу к аптекарю. Смешивать лекарства – работа не слишком утомительная, но довольствоваться столь скучным занятием энергичный молодой человек не собирался. Однако он понимал – чтобы достойно устроиться в жизни, юноше из обедневших дворян мало иметь образование и быть исполнительным. Гораздо важнее найти серьезного покровителя. И тут судьба преподнесла ему в пода-

рок счастливую, как он тогда подумал, идею. Жан Анри услышал, как двое незнакомцев ругали маркизу де Помпадур. Мысль Латюда заработала в нужном направлении. Он придумал, как ему вознестись на вершину успеха и приобрести покровительство ни больше ни меньше как самой могущественной особы при короле. Насыпав в изящную коробочку абсолютно безвредный порошок, Латюд отправил его по почте на имя маркизы. В сопроводительном письме указывалось, что это подарок от химика, который в результате многолетнего труда изобрел средство, исцеляющее от многих болезней. Его можно использовать и как пудру, делающую кожу нежной и гладкой. При этом неизвестный просил назвать свое изобретение именем маркизы. После этого Латюд отправился в Версаль и попросил немедленно доложить о нем Помпадур, поскольку речь идет о ее жизни или смерти. Испуганная маркиза приняла его тотчас. Жан Анри выразил ей свое восхищение и предупредил о готовящемся покушении: мол, он подслушал разговор двух мужчин, которые решили убить маркизу и послали ей по почте яд. Помпадур отнеслась к его словам с вниманием, посадила молодого человека рядом с собой и предложила ему кошелек с золотом. Но не золото интересовало начинающего авантюриста. Он отказался от денег, сказав, что поступил как человек чести и готов служить маркизе бескорыстно. Она была тронута этими словами и предложила Латюду оставить ей свой адрес, чтобы в случае необходимости его можно было быстро найти.

Окрыленный, Жан Анри возвращался домой. Он ликовал: план удался, скоро для него все изменится. Если бы он только знал, насколько скоро! Вечером маркизе принесли пакет, в котором был порошок. Она тут же дала попробовать его служанке и домашним животным. С ними ничего не случилось. Но, взглянув на письмо неизвестного химика, Помпадур догадалась сличить его с адресом, оставленным Латюдом. Участь его тут же была решена. Маркизу Помпадур, самую влиятельную женщину Франции, хотели так нагло провести? Она была в бешенстве и тут же приказала «позаботиться» о наглеце. Ей не пришлось для этого обращаться за помощью к королю. Людовик XV имел обыкновение раздавать фавориткам уже готовые документы со своей подписью и печатью, и оставалось всего лишь вписать имя любого человека, чтобы избавиться от него быстро и без лишних хлопот. Люди, попавшие в тюрьму по такому приказу, не имели шансов на обычное судебное разбирательство и были обречены на полное бесправие. Несчастные узники оставались в тюрьмах до тех пор, пока это было угодно тому, кто их туда отправил. Освобождать их никто не собирался: несчастные просто исчезали, навсегда похороненные в разных тюрьмах.

Прошло два дня после аудиенции у маркизы. Латюд все еще предавался мечтам о тех милостях, которыми она его осыплет, как вдруг в комнату ворвались жандармы. Без всяких объяснений они схватили молодого человека и грубо затолкали в полицейскую карету с зашторенными окнами. Только когда, пронесшись по пустынным улицам Парижа, карета остановилась и за ней с грохотом закрылись тяжелые железные ворота, Латюда вывели на мощный двор. Он огляделся и с ужасом понял, куда попал – Бастилия...

Его обыскали, отобрали деньги, документы, одежду, переодели в тряпье. Он кричал, что это ошибка, что его должны немедленно отпустить, но стражники, издевательски насмехаясь, попросили Латюда расписаться в книге регистрации, а затем, грубо толкая в спину, бросили в камеру. На следующий день к нему явился тюремный чиновник Бернье, и только тогда узник узнал причину своего ареста. Латюд, ничего не скрывая, рассказал Бернье, как было дело, уверяя, что это была всего лишь ошибка молодости, глупость, и умолял его отпустить. Выслушав все, Бернье решил помочь Латюду, пообещав ходатайствовать о его освобождении. Но, оскорбленная поступком юноши, маркиза даже слушать ничего не захотела. Тогда, желая хоть как-то смягчить его положение, Бернье перевел его в камеру другого узника, Абузалло, которого подозревали в шпионаже в пользу Англии. Узники подружились и дали друг другу обещание: если кого-нибудь из них выпустят из тюрьмы, то он будет хлопотать об освобождении другого.

Об этом разговоре тут же стало известно коменданту Бастилии, и Латюда перевезли в Венсенн, уверив при этом, что отпускают его на свободу. Здесь, правда, стараниями Бернье, у Жана Анри были лучшие условия содержания. Ему даже была разрешена ежедневная прогулка в тюремном дворе. И тогда Латюд решился на побег. Он уже завоевал примерным поведением некоторое доверие стражников и зачастую сам спускался во двор, не дожидаясь, пока закроют его камеру. В Венсенне тогда находился в заключении аббат Сенсовер, который пользовался значительной, по сравнению с другими, свободой, так как обучал детей тюремщиков. Кроме того, его часто навещал отец, бывший комендант этой же тюрьмы. Это и решил использовать Латюд, пробыв в Венсенне уже 9 месяцев. Однажды, пока один стражник запирает его камеру, он быстро спустился во двор и спросил у другого стражника, где аббат, – мол, того разыскивает отец. Затем он подбежал к караульному с тем же вопросом, и так, «разыскивая» Сенсовера, оказался у ворот тюрьмы. Это было время посещений, и подъемный мост был опущен. Охранник у моста не остановил Латюда, приняв его за человека, возвращавшегося после свидания с кем-то из близких. Так, 25 июня 1750 года, пробыв в заключении 13 месяцев, Латюд обрел свободу.

Пьянящий воздух свободы, видимо, полностью затуманил мозги Жана Анри. Или у него, несмотря ни на что, еще сохранилась вера в справедливость королевского правосудия. Ничем другим нельзя объяснить то, что он сделал. Он мог скрыться и спокойно жить, но, решив, что полное признание избавит его от необходимости прятаться, Латюд уже на шестой день написал королю покаянное письмо с просьбой о помиловании, считая, что уже искупил свой поступок. В ту же ночь он вновь очутился в Бастилии, в темнице. Теперь это было полутемное подземелье, где он провел полтора года. И на сей раз утешителем ему стал Бернье, разрешивший давать узнику книги, бумагу и чернила. Прошло еще шесть месяцев. Положение Латюда не менялось, и как-то в порыве отчаяния он на полях одной из книг написал эпиграмму на маркиза де Помпадур:

Ну и дела во Франции прекрасной!
Здесь можно душой быть из дур
И все же править государством:
Пример – маркиза Помпадур!

Что за невезенье! Латюд не знал, что все книги после прочтения узниками просматривались надзирателями. Вскоре об эпиграмме знал комендант Бастилии, который, желая выслужиться, сделал так, чтобы о ней узнала маркиза, и последствия тут же сказались. Бернье она запретила даже упоминать о Латюде. Мало того, он еще получил и выговор за то, что защищал такого негодяя. А Латюду запретили пользоваться книгами и письменными принадлежностями. К тому же срок его пребывания в подземелье был продлен еще на год.

Между тем здоровье узника стало ухудшаться. Стараниями того же Бернье Латюда перевели из подземелья в другую камеру и «подселили» к нему заключенного, его ровесника Далегра, который также оказался личным врагом маркизы Помпадур. Он имел неосторожность отправить ей письмо с советом не обострять ненависть народа к себе. Друзья по несчастью еще несколько раз через Бернье передавали прошения о помиловании, но безуспешно. И тогда они решили бежать. Но как? Башню, в которой они находились, окружал ров с водой, за ним шла высокая стена и еще один ров, а кроме того металлические решетки, перекрывающие даже дымоходы, и круглосуточная охрана... Позже в своих мемуарах Латюд досконально описал их приготовления к побегу и сам побег. Из металлических петель складного стола узники смастерили небольшие ножи, из подсвечника – нечто вроде пилы, из разорванной одежды сплели две лестницы, ступеньки для которой они выстругивали из дров, которые им давали для отопления камеры. А как быть с толстыми стенами Бастилии, с массивными решетками на дымо-

ходе? Не зря же Латюд учился в технической школе! Он знал, что стены, сложенные из прочного известняка, хорошо крошатся под воздействием воды. Это обстоятельство узник и решил использовать для того, чтобы через дымоход выбраться из камеры на крышу. Набрав в рот воды, оба заключенных, обдирая руки в кровь, карабкались по узкому дымоходу к решеткам и размачивали отверстия, в которые были вставлены железные прутья. Работали они по ночам, чтобы стража их не обнаружила. За полгода упорного труда они сумели так расшатать решетку, что ее можно было свободно вынуть. В общей сложности на подготовку побега ушло почти два года. И вот наступила ночь 25 февраля 1755 года.

Погода благоприятствовала побегу. Шел дождь, заглушавший все звуки. Латюд и Далегр через дымоход выбрались на крышу и по веревочной лестнице спустились в ров, заполненный ледяной водой, но подняться на внешнюю стену они не смогли. Тогда Латюд придумал другой план. Всю ночь с помощью самодельных инструментов узники расшатывали и вынимали камни из стены метровой толщины, ныряя каждый раз в воду, когда раздавались шаги часовых. К утру проход в стене был сделан, и, с большим трудом преодолев следующий ров, заполненный жидкой грязью, беглецы вырвались из Бастилии на свободу.

Первое время друзья прятались в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, а затем им помогли укрыться у портного Рюи, протестанта, где они находились почти месяц. Но оставаться во Франции было опасно, и беглецы решили перебраться в Германию. Первым, переодевшись нищим, отбыл Далегр. Добравшись до Брюсселя, он сообщил о своем благополучном прибытии Латюду и тут же совершил роковую ошибку, написав письмо, полное горечи и оскорбительных выражений... маркизе Помпадур. Когда Латюд прибыл в Брюссель, он узнал, что Далегр арестован и передан в руки французской полиции. Жан Анри тут же уехал в Амстердам, надеясь затеряться в этом большом городе. Но напрасно. Вскоре он был схвачен и также выдан. Так Латюд в третий раз очутился в Бастилии, в темнице, закованный в ножные и ручные кандалы. Там он провел 40 месяцев. Потеряв счет дням, узник решил уйти из жизни. Он перестал принимать пищу и ослаб настолько, что действительно был близок к смерти. Направленный к нему тюремный врач был потрясен видом узника и потребовал немедленно прекратить издевательство над ним. От постоянного насморка у Латюда растрескалась верхняя губа и обнажились испортившиеся зубы, он почти полностью облысел. Тюремщики начали его кормить насильно, а затем он все же был переведен в камеру в башне, где с него сняли кандалы и разрешили прогулки и чтение, но не позволили иметь письменные принадлежности. Но Латюд, решивший на сей раз обратиться к общественному мнению, нашел выход. Из мелкой монеты он выточил перо, из сажи сделал чернила, а бумагой послужили чистые листы из книг. Поначалу он еще надеялся получить свободу, оказав какую-нибудь услугу отечеству. Так Жан Анри начал составлять и отправлять королю различные проекты: вооружить унтер-офицеров ружьями, создать богадельни для вдов солдат и офицеров, погибших на войнах, увеличить пошлину на письма для улучшения финансового положения страны... Большинство проектов было принято, но Латюд оставался в тюрьме. И только когда он подал проект об образовании запасных хлебных магазинов, его тут же «заметил» начальник полиции Сартин, принимавший участие в спекуляции хлебом, и предложил ему деньги и даже свободу, если Латюд откажется от проекта. Но заключенный с гордостью отклонил его предложение и остался в тюрьме...

Понимая, что иначе на свободу не вырваться, Жан Анри решил передать рукопись о своих злоключениях на волю. Во время прогулок ему удалось привлечь внимание двух девушек в доме напротив тюрьмы, и им он перебросил пакет с рукописью. Через некоторое время девушки выставили в своем окне лист бумаги, где сообщалось о смерти 17 апреля 1764 года маркизы де Помпадур. Латюд уже предвкушал свободу, но ничего не изменилось. Мало того: комендант Бастилии сообщил, что по Парижу распространяется скандальный памфлет, и он уже получил указание по поводу автора этого послания. Тогда Латюд написал гневное письмо начальнику полиции и в результате вновь очутился в Венсенне. Знакомое место! И Жан Анри

вновь решился на побег. С криком «Держи вора!» он побежал к воротам, и пока стражники соображали, что к чему, сбив с ног часового, выбежал на улицу. Но, видно, его мало чему научили предыдущие побеги, и он явился к королевскому министру герцогу Шуазелю. Латюда тут же арестовали и вновь отправили в Венсенн, на этот раз в подземелье. Затем по приказу другого министра, Малерба, Жана Анри под видом освобождения в 1775 году перевели в монастырь в Шарантоне, где содержались душевнобольные и те, кого власти таковыми считали. Здесь же находился и сошедший с ума Далегр. Только в 1777 году, после 28 лет заключения, Латюда выпустили на свободу, выдав даже официальный документ. Правда, жить ему разрешалось только в родном городе, с лишением всех прав и под надзором полиции. Жан Анри уже почти добрался до Парижа, но судьба была жестока и на сей раз – его вновь арестовали по обвинению в краже. На самом деле чиновники решили, что Латюда лучше оставаться в заключении. Теперь он очутился в тюрьме для уголовников в Бисетре. Содержание здесь было страшнее, чем в Бастилии. Через 38 месяцев, тяжело заболев, Жан Анри попал в тюремную больницу. Это оказалось похуже, чем пребывание в камере: заразные больные лежали в грязи вплотную друг к другу, иногда попеременно с мертвыми. Но, как ни странно, здесь Латюд выжил и даже несколько окреп от мазей и настоев, которыми его пичкали. Правда, из лазарета он вышел на костылях.

В 1781 году Бисетр посетил очередной судья и, узнав о судьбе Латюда, пообещал помочь. Через слугу Жан Анри передал рукопись с описанием всего, что с ним произошло, но тот умудрился ее потерять. Однако именно это обстоятельство и спасло Латюда. Рукопись нашла мадам Легро, жена мелкого чиновника. Именно с ее помощью в Париже распространили исповедь заключенного, а затем началась кампания за его освобождение. В конце концов, 22 марта 1784 года – после 35 лет заключения – Латюд был освобожден и полностью реабилитирован. Через пять лет была разрушена Бастилия, пала монархия. Правительство назначило бывшему заключенному достойную пенсию. Латюд прожил еще 20 лет, написал захватывающие мемуары и умер в 1805 году в возрасте 80 лет.

КАЛИОСТРО АЛЕССАНДРО

Настоящее имя – Джузеппе Бальзамо (?)

(род. в 1743 г.? – ум. в 1795 г.?)

Беспокойный и блестящий XVIII век подарил человечеству множество незаурядных личностей, авантюристов, мистиков и философов. Одна из самых загадочных фигур того времени – граф Калиостро. Он заставлял пророчествовать детей и молодых женщин. Он предсказал Великую французскую революцию, падение Бастилии, казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты. Он обладал незаурядным умом, огромной силой воли и мощным гипнотическим даром. Его эмблемой была змея, держащая во рту пронзенное стрелой яблоко, что символизировало обязанность мудреца держать свои знания в тайне. О своем титуле Калиостро говорил, что он принадлежит ему не по рождению, а по мистическому праву. Периодически граф утверждал, что был знаком с Александром Македонским, Нероном и Клеопатрой, являлся сподвижником пророков Моисея и Магомета. Он считал себя воплощением духа Цезаря, посланником пророков Илии и Еноха и даже приписывал себе божественное происхождение. Его жена уверяла, что графу на самом деле 4000 лет, сама она тоже далеко не молода, а свою красоту сохранила благодаря супругу, который избрал средство против старения.

До сих пор возникают сомнения относительно того, существовал ли такой человек в действительности или это некий собирательный образ. Тот, кто называл себя графом Алессандро Калиостро, был известен также под многими другими именами: граф Феникс, граф Тара, маркиз Пеллегрини, Фридрих Гвалдо, Ахарат, Великий Копт. Его часто отождествляют также с Джузеппе Бальзамо, но вряд ли кто сможет с уверенностью утверждать, что в этом случае речь не идет о двух разных людях (тем более, что сам граф это категорически отрицал).

Калиостро постоянно намекал на собственное необычайно высокое и таинственное происхождение и утверждал, что не имеет права открывать свое настоящее имя. Этот человек так стремился убедить современников и потомков в личной исключительности, напустил столько туману в собственной биографии, что постепенно превратился в легенду...

Кем он был? Алхимиком или ученым, магом или шарлатаном? Утверждать что-то определенное нельзя, по-видимому, и сейчас. Сам Калиостро говорил, что родился и вырос в Медине много столетий назад и впитал в себя «мудрость Востока», приобщившись к тайным знаниям высокого магического искусства.

Подобное заявление у любого современного человека вызовет лишь ироническую улыбку. Но здоровый скептицизм не способен прояснить вопрос о месте рождения знаменитого итальянца: историки утверждают, что граф увидел свет на Сицилии, в городе Палермо; однако более точно ничего сказать не могут, указывая то на респектабельный район недалеко от виа Рома, то на узкие и грязные переулки вокруг рыночной площади.

Не существует и абсолютно достоверных сведений относительно даты его рождения, хотя предполагают, что родился Калиостро 8 июня 1743 года в семье мелких лавочников.

Сицилия – уникальное место: здесь пересеклись многие древние культуры, все пронизано архаикой и мистикой. Неудивительно, что мальчик с раннего детства продемонстрировал живой ум, сообразительность и пылкое воображение. Учиться Джузеппе отправили в семинарию, но он быстро сбежал оттуда. Несколько позже его водворили в бенедиктинский монастырь городка Колтажироне. Здесь он стал помощником монаха-аптекаря и увлеченно изучал химию и биологию. Фармакология сослужила будущему графу хорошую службу: впоследствии он занимался не только магией, но и медициной.

Вскоре мальчишку уличили в некрасивой проделке и выгнали из монастыря. С этого времени раскрываются совсем иные его способности: составление фальшивых завещаний, подделка заемных писем и документов, торговля рецептами различных снадобий, а также инструкциями по обнаружению кладов. Отец Бальзамо умер вскоре после рождения сына, и семья постоянно находилась на грани нищеты. Но бабушка и мать Джузеппе пророчили мальчику великое будущее и графский титул. То же предсказала цыганка.

Несколько удачных афер принесли Бальзамо немалые деньги. Мошенник мгновенно исчез из Палермо и направился в Мессину, чтобы навестить родную тетку, но узнал, что она умерла. Тогда в память о родственнице Бальзамо решил взять себе ее фамилию. Ирония судьбы: согласно предсказаниям, он принял титул графа и стал именоваться Алессандро Калиостро. Это имя как нельзя более подходило человеку, увлеченному древними мистическими знаниями Востока и Африки: на юге Италии «кальостро» называют горячий ветер, дующий из этих областей.

Тогда же, вероятно, граф знакомится с чернокнижником Альтотасом, предсказавшим ему всю дальнейшую жизнь. Вдвоем они отправились на Восток. Там у дервишей и факиров Калиостро перенял чудеса древней магии, приемы профессионального фокусничества, овладел искусством массового гипноза, дополнил свои знания в области химии. Он начал собирать коллекции экзотических предметов, растений, камней, минералов, которые вскоре превратятся в лекарства и талисманы. На Востоке же сложился и чрезвычайно эффектный внешний облик графа: длинный шелковый либо бархатный наряд, украшенный иероглифами; тюрбан из золотой парчи с блестящими камнями; пояс, на котором крепился рыцарский меч с рукоятью в

форме креста; обилие перстней с бриллиантами невероятной величины. Говорил он на трех или четырех языках, но с иностранным акцентом.

В Египте под руководством Альтотаса юноша прошел сложный и опасный ритуал посвящения, состоявшийся глубокой ночью в подземных лабиринтах пирамиды Хеопса. Так Калиостро получил звание Великого Копта. Из Египта он вместе с Альтотасом отправился на Мальту, где был представлен гроссмейстеру Мальтийского ордена и познакомился с масонскими доктринами. Вернувшись в Италию, Калиостро женился на Лоренце Феличиани – девушке не только очень красивой, но и восприимчивой, внушаемой, что делало ее идеальным медиумом. Вместе с женой граф устраивал во дворцах знати сеансы магии.

Говорили, что он возвращал к жизни неизлечимо больных, превращал неблагородные металлы в золото, увеличивал в размере бриллианты, давал возможность желающим пообщаться с духами умерших родственников, возвращал молодость и продлевал жизнь пациента почти до бесконечности. Слава о чудесном маге распространялась со скоростью молнии.

В 1773 году граф появился в Неаполе, где был посвящен в высшие степени герметического масонства, учредил ложу египетского согласия и... провел две недели в тюрьме.

...В 1777 году великий маг, астролог и целитель прибыл в Лондон. Никто не знал, откуда он явился. Калиостро рассказывал, что встречался внутри египетских пирамид с мудрецами, которые скрываются там на протяжении тысячелетий. Эти великие бессмертные старцы якобы открыли ему секреты, оставленные посвященным самим Гермесом Трисмегистом, богом алхимии и тайного знания.

Во время пребывания в Лондоне Калиостро занимался изготовлением драгоценных камней и металлов и заранее угадывал выигрышные номера лотереи. Расположившись в пустующем особняке, он превратил одно из помещений в лабораторию. Лица, удостоенные чести побывать там, наблюдали, как граф, заглянув в книгу с каббалистическими знаками, бросался к кипящему сосуду, вытаскивал из него драгоценный камень и устало бросал его в чашу в виде черепа.

Что же касается выигрышных номеров, их он сообщал желающим за соответствующую плату. Когда же оказалось, что большая часть этих сведений – обман, мага начали преследовать. Он же утверждал, что его именем подло воспользовались. И действительно, большинство участников лотереи имели дело не с Калиостро, а с некоей дамой, обещавшей передать магу деньги и сообщавшей номера билетов. Многие «совершенно случайно» беседовали и с бедняками, которым Калиостро бескорыстно помог. Вот только в ходе следствия найти этих бедняков так и не удалось. В результате граф был обвинен в магии, колдовстве и мошенничестве. Тяжбы завершилась за отсутствием доказательств в его пользу, но все же Калиостро не стал задерживаться в Англии.

В отделе особо редких книг российской Исторической библиотеки хранится фолиант, изданный еще при жизни графа. Он написан Шарлоттой фон дер Рекке, лично знакомой с Калиостро и утверждавшей, что все его способности и чудеса – хитрый обман. От нее мы знаем об обстоятельствах пребывания графа в Митаве. Поначалу маг занимался целительством, платы за чудеса не брал, а совсем бедных даже ссужал деньгами. Неудивительно, что в скором времени он был принят самим Бироном. Нежелание получать гонорары внушало окружающим расположение к графу, а поскольку высшее общество не желало оставаться в долгу, то преподносило поистине сказочные подарки. Кроме целительства, большой интерес вызывали сеансы, на которых в сосуде с водой можно было увидеть то, что происходило на больших расстояниях. (Фокус объясняется легко: здесь использовалось незаметное для зрителя приспособление, с помощью которого в графине возникали расплывчатые фигуры или буквы.) Успехом пользовались и проводимые Калиостро сеансы пророчеств «голубей» – красивых мальчиков и девочек, которых его жена Лоренца предварительно поила специальным эликсиром, вводящим организм в полусонное состояние. Калиостро возлагал руки детям на

головы, и они якобы обретали способность к ясновидению. Кроме того, граф продолжал заниматься «превращением» металлов в золото. Калиостро в Курляндии задерживаться не хотел, но для покорения северной столицы необходим был «пропуск» в высший свет, которого у него не было. Однажды родня упоминаемой уже Шарлотты прослышала, что их гость собирается в Петербург, и было бы весьма кстати, если бы представительница столь знатного и хорошо известного в России семейства сопровождала его в поездке. Принять это предложение Шарлотте настоятельно советовали даже ближайшие родственники. Но она выдвинула два условия: поездка могла состояться лишь по личному повелению императрицы, а сопровождать девушку должны были отец и сестры; ей самой должны были дать позволение посвятить жизнь магическим наукам. В результате Калиостро был вынужден ограничиться обществом Лоренцы.

Различные источники указывают разные сроки пребывания Алессандро и его жены в Петербурге: то ли девять месяцев 1779 года, то ли только лето. Калиостро выступает в России под новым именем – граф Феникс. Он убежден, что простой русский народ темен и простодушен, знать не знает счету золоту и обожает чужестранцев, а на троне сидит женщина любопытная и падкая на диковины. Граф рассчитывал очаровать императрицу и занять прочное место при российском дворе. Начал он с сеанса черной и белой магии, который произвел на присутствующих довольно сильное впечатление. Сеансы проходили в павильоне «Ротонда», в подвалах которого, по утверждению Калиостро, якобы хранились рукописи царя Соломона и саркофаг Гомера. Кстати, после того как один из служащих сенатора И. П. Елагина (о нем пойдет речь ниже) повредился рассудком от всей творящейся вокруг этого места мистики, подвал засыпали. (Во время недавних реставрационных работ его раскопали и обнаружили загадочные сосуды, предназначение которых неизвестно). Затем граф изгнал дьявола из одержимого Василия Желугина и занялся целительством. Поначалу денег с больных он не брал, а иногда сам помогал пациентам материально. Когда же его известность возросла, начал требовать за свои услуги непомерные гонорары.

Но если в Европе Калиостро имел репутацию полубога и благодетеля, то в Петербурге народ на него подозрительно косился. Россиянам был необходим какой-нибудь местный мужик на роль целителя. В Петербурге таким лекарем был Василий Ерофеич Воронов, врач Божьей милостью, вылечивший смертельно больного графа Орлова, а в 1769 году именным указом Екатерины II пожалованный в титулярные советники. Будучи неграмотным, этот самоучка лечил всех: и представителей двора, и мещан, и крестьян. Кроме Ерофеича, у Калиостро был и другой соперник – лейб-медик императрицы Джон Самуэл Роджерсон, который вызвал итальянца на поединок. Но хитрый граф предложил сразиться посредством ядов, а на такие условия Роджерсон не мог пойти.

Правда, Калиостро нашел в Петербурге и почитателей: одного из самых образованных людей того времени, сенатора, обер-гофмейстера И. П. Елагина, а также действительного тайного советника, знаменитого мецената и богача графа А. С. Строганова. Елагина граф заинтересовал возможностью «делать» золото. Но секретарь сенатора предложил ему прекратить «вздорную болтовню» и дал графу пощечину, да к тому же распустил слухи о шарлатане, всерьез насторожившие публику. Вскоре Калиостро пообещал вылечить единственного 10-месячного сына приближенного императрицы, которого все доктора признали безнадежным. При этом граф поставил одно условие: ребенок будет находиться в его доме до полного выздоровления, а родители не должны с ним видеться. Спустя две недели к колыбели младенца на две минуты допустили отца. Родителям разрешено было забрать мальчика через месяц. Оставленный в доме Калиостро огромный гонорар был возвращен. Но мать ребенка все уверенней говорила о том, что это не ее сын. В ходе начавшегося дознания Калиостро заявил, что действительно подменил умершего ребенка, купив у крестьян за 2000 руб. другого. А на вопрос, что он сделал с трупом младенца, отвечал, что в ходе неудачного опыта возрождения сжег его...

Интересно, что у императрицы еще задолго до появления графа в Петербурге сложилось негативное мнение о нем. Обладавшая ясным и рациональным умом, Екатерина не могла симпатизировать человеку, утверждавшему, что сам не знает, когда он родился, и не одобряла его масонских пристрастий. В письмах к барону Гримму императрица называет графа шарлатаном. К тому же Калиостро допустил большую ошибку, воспользовавшись красотой своей супруги, чтобы втереться в доверие к Григорию Потемкину, фавориту Екатерины. Граф предложил князю увеличить втрое весь его золотой запас. Потемкин, увлекшийся Лоренцей, из любопытства согласился. После манипуляций Калиостро золото взвесили и подвергли анализу. Его действительно стало в три раза больше, а граф получил в награду треть суммы.

Известие об увлечении фаворита итальянкой вызвало соответствующую реакцию Екатерины... Государыня, будучи женщиной решительной, быстро поставила светлейшего князя на место, а Калиостро повелела немедленно покинуть пределы Российской империи. Но и на этом оскорбленная императрица не успокоилась. Она выставила графа жуликом и бездельником в своих пьесах «Обманщик» и «Обольщенный», поставленных в Эрмитажном театре. Высший свет над комедиями очень смеялся, обращаться же за врачебной помощью вновь стал к Ерофеичу, который изобрел свой эликсир жизни, состоящий как минимум на сорок процентов из спирта. Придворные правильно поняли намек, и в графа полетели проклятия. Долше всех держался Строганов, который был искренне благодарен Калиостро «за спасение жизни наследника». Но с государыней не поспоришь, и он тоже принял сторону двора, что вскоре открылся факт подмены ребенка. Граф вынужден был бежать в Варшаву, а оттуда – в германские княжества.

Летом 1780 года Калиостро въехал в Страсбург. На городском мосту его поджидала громадная толпа больных. Никто не знал, что эмиссары мага заранее сколотили группу «неизлечимых», на которых Калиостро и должен был продемонстрировать свое могущество. Шарлатанство? Безусловно! Но... Чародей нередко устраивал сеансы массового исцеления, результаты которых невозможно списать только на действия его подручных. В том же Страсбурге во время посещения графом лечебницы действительно выздоровели около 200 больных. Как же объяснить то воздействие, которое оказывал на страждущую публику великий авантюрист?

Ученик и последователь выдающегося мистика XVIII века Сен-Жермена, Калиостро утверждал, что владеет «эликсиром бессмертия». В своей книге «Секрет возрождения» он действительно дает рецепт продления жизни, в котором очень много рационального. Но состав некоторых пилюль и капель так и остался тайной. Было ли это очередной мистификацией публики? Возможно. Вот только как объяснить то, что маг и его жена Лоренца оставались очень молодыми? В сорок лет граф выглядел двадцатилетним. У Лоренцы в ее тридцать семь не было ни одной морщинки... Прибыв в Париж, Калиостро поразил воображение жителей столицы тем, что устраивал ужины с «духами» Дидро, д'Аламбера, Вольтера, Монтескье, которые затем беседовали с гостями. Граф вел роскошную жизнь и устраивал грандиозные зрелища, объясняя происхождение баснословных сумм тем, что знает тайну «философского камня» и может превращать в золото любые металлы. А когда Людовик XV предложил ему «починить» крупный алмаз чистой воды, давший трещину, Калиостро через три дня вернул его королю целым. Инквизиция тотчас объявила графа слугой дьявола.

С 1780 года Калиостро подолгу жил в Лионе – негласной столице «тайных наук». Сюда к нему в погоне за «философским камнем» и «эликсиром бессмертия», а также за советом приезжали весьма влиятельные люди. Когда в 1785 году граф перебрался в Париж, он тут же стал самым модным иностранцем в столице. Калиостро обосновался в особняке на улице Сен-Клод, где в верхнем этаже была устроена лаборатория, а внизу проходили тайные собрания. Среди завсегдатаев графа был кардинал де Роган, желавший получить бессмертие. Он советовался с итальянцем по самым разным вопросам, и именно поэтому Калиостро стал чуть ли не главным

подозреваемым в одной из самых запутанных детективных загадок прошлого – знаменитом деле об ожерелье.

Еще в 1772 году Людовик XV решил подарить своей фаворитке мадам Дюбарри ожерелье, состоящее из 629 бриллиантов чистейшей воды. Украшение было изготовлено за два года. Но Людовик XV к этому времени умер, а Людовик XVI и Мария Антуанетта выкупать ожерелье не стали. Королева сочла украшение вульгарным, а ее супруг предпочел на те же деньги купить несколько военных кораблей. Ожерелье имело колоссальную стоимость – 2 млн ливров, так что в Европе на него не нашлось покупателя. А поскольку все камни для уникальной вещи были закуплены в кредит, ювелиры едва избежали банкротства. Через 11 лет они получили письмо от кардинала де Рогана, который сообщил, что Мария Антуанетта хочет выкупить бриллианты в рассрочку втайне от короля. Кардинал предоставил ювелирам гарантийное письмо, подписанное королевой, и лично забрал ожерелье. Не получив денег в срок, ювелиры решились напомнить государыне о долге. Та высказала гневное недоумение. Поручительное письмо оказалось подделкой, а ожерелье бесследно исчезло. Оказывается, кардинал был впутан в аферу графиней де Ла Мотт, сообщившей, что королева испытывает к нему тайное чувство. Де Роган действительно встречался в Версале с женщиной, похожей на Марию Антуанетту, и согласился выступить посредником в покупке ожерелья. Графиня де Ла Мотт оказалась очень близкой знакомой графа Калиостро... После того как ожерелье попало к графине, ее муж спешно отбыл в Лондон. Впоследствии там всплыли и некоторые камни из знаменитого украшения. Сама же графиня была арестована и на допросе объявила, что автором всей интриги был Калиостро. Впрочем, возможно, на него была возведена напраслина, а королева и кардинал были все-таки замешаны в этой афере.

Так или иначе, но 21 августа 1785 года графа арестовали и заточили в Бастилию. Вскоре состоялся суд. С помощью опытных адвокатов итальянец успешно выстроил защиту. Сильным его местом было алиби: передача ожерелья произошла 29 января 1785 года, а граф прибыл в Париж только на следующий день. Правда, обвинение доказывало, что он состоял в интенсивной переписке с де Роганом и мог бы управлять аферой на расстоянии. Да и в столицу он успел приехать за несколько часов до того, как граф де Ла Мотт отбыл в Лондон. Но разрушить построенной защиты обвинение не сумело. Калиостро был оправдан за недостатком улик и на некоторое время стал народным героем как жертва режима. Людовик XVI на следующий же день после суда прислал ему предписание в 24 часа покинуть Париж, а в течение двух недель и пределы королевства. Граф уехал, предварительно прокляв правящую чету и предсказав, что Бастилия вскоре падет. Не прошло и десяти лет, как Бастилия была сметена Французской революцией, а король и Мария Антуанетта казнены.

Калиостро вернулся в Италию в 1789 году, поскольку такая психологически напряженная жизнь утомляла даже этого необыкновенного человека. Все чаще жаловалась на усталость и Лоренца. Она мечтала вернуться в свой родной Рим, и супруг уступил ее просьбе. Поначалу граф занимался врачеванием и оккультными науками, но позже заскучал и предпринял попытку создать тайную масонскую ложу египетского обряда. В этом он не видел для себя большого риска, поскольку среди масонов числились очень многие князья церкви. Но Великая французская революция очень напугала духовенство, и священнослужители стали спешно покидать масонские ложи. Вскоре Папа Римский объявил масонов дьявольской сектой. По доносу Великий Копт и его супруга были схвачены как еретики и колдуны и заточены в замок Святого Ангела. Судебный процесс был долгим. Графа обвиняли одновременно и в магических упражнениях, и в масонской деятельности. Причем инквизиторы долго не могли решить, то ли считать Калиостро настоящим магом, связанным с нечистой силой, то ли лжемагом, то есть мошенником. В результате его обвинили и в том, и в другом. Говорили также, что большую помощь следствию оказала Лоренца, которая давала показания против мужа. Правда, ее саму предательство не спасло: она была приговорена к пожизненному заключению в монастыре, где

и умерла, пережив мужа всего на несколько дней. До сих пор ходят слухи, что ее призрак бродит по площади Испании и горько сожалеет о содеянном.

Приговор, вынесенный графу, заставлял вспомнить самое жуткое Средневековье: сожжение на костре. Калиостро воспринял решение суда с редким равнодушием, что впоследствии дало фантастам возможность предполагать, что это был не сам граф, а его искусно сделанный двойник. За час до казни Папа Римский заменил приговор пожизненным заключением. Существует легенда, что сразу после суда в Ватикан явился чужестранец, потребовавший личной аудиенции у папы. Вместо имени он передал понтифику через кардинала-секретаря некое слово. Гости немедленно приняли, но аудиенция длилась всего несколько минут. Едва чужестранец покинул дворец, папа отдал распоряжение отменить смертную казнь. 7 апреля 1791 года в церкви Санта-Мария состоялся ритуал покаяния, после которого Калиостро препроводили в замок Сан-Лео в горах Тосканы. Здание было построено на вершине огромной отвесной скалы, так что преступников приходилось доставлять в камеры в специальном ящике, при помощи веревок и блоков.

Калиостро провел здесь четыре года. И тут не обошлось без мистики: по свидетельствам очевидцев, он умудрился без каких-либо инструментов превратить ржавый гвоздь в прекрасный стальной стилет. После этого испуганные стражи заковали неутомимого мага в цепи. Сторожить такого заключенного было делом беспокойным. Тюремщикам приказали проявлять особую бдительность. Но четыре года, проведенные в тесном сыром каменном мешке, все же dokonали «бессмертного» графа. Великий маг и авантюрист умер 26 августа 1795 года и был погребен без отпевания и креста. Причина его смерти – еще одна загадка. Возможно, к летальному исходу привела пневмония. Но некоторые источники говорят о яде, подсыпанном тюремщиками. Не исключено и то, что заключенный был попросту задушен охранником по неизвестным истории причинам... За сутки до смерти граф раздал всем сторожам по рукописному экземпляру своего завещания и наказал, чтобы его похоронили в Палермо, в родовом склепе. Через день Калиостро нашли бездыханным, приготовили к похоронам и повезли в указанное место, но по прибытии ни склепа, ни кого-либо, знавшего об этом семействе, не обнаружили.

И последняя загадка. До сих пор никто не знает, где именно похоронен великий авантюрист. Нет абсолютно никаких доказательств того, что могила Калиостро находится в окрестностях Сан-Лео, на кладбище в Палермо или в другом месте. Так, может, граф только сделал вид, что скончался, а сам до сих пор скитается по нашей планете? Ведь слухи, что Калиостро жив и обитает сейчас где-то в Индии или на Тибете, удивительно упорны...

ЛА МОТТ ЖАННА ДЕ

Полное имя – Жанна Сен-Реми Валуа де Ла Мотт; она же графиня де Круа, графиня Гоше, Гаше, Гашетт, Гашер

(род. в 1756 г. – ум. в 1826 г.)

Знаменитая французская авантюристка, прославившаяся как участница одного из самых наигумованных мошенничеств XVIII века с похищением ожерелья французской королевы Марии Антуанетты, описанного в романе А. Дюма «Ожерелье королевы». Жанна де Ла Мотт явилась также прообразом еще одной литературной героини А. Дюма – Миледи (графини де Ла Фер, леди Винтер) из романа «Три мушкетера».

С именем Жанны де Ла Мотт связана одна из самых загадочных тайн-авантюр XVIII века. Похождения таинственной графини начались в Париже, а закончились в глухом крымском городке... История жизни отчаянной авантюристки будто нарочно придумана для увлекательного приключенческого романа. Не случайно о Жанне де Ла Мотт написано множество романов и мемуаров, снято немало фильмов. Так кто же она такая, эта загадочная француженка? Какие злодейства совершила в Европе и почему оказалась в Крыму?

Точная дата рождения Жанны де Ла Мотт, урожденной де Луз де Сен-Реми, неизвестна. По-видимому, это произошло в 1756 году во Франции, в Бар-сюр-Об (правда, некоторые источники указывают на более поздние даты – 1768 год и 1772 год, что маловероятно). С ранних лет девочка была предоставлена самой себе. Есть свидетельства, что будущая героиня многих романов – жизненных и литературных – еще в детские годы овладела множеством способов отъема денег у простофиль всех происхождений. После смерти отца, Жака де Сен-Реми, семилетняя «бедная сиротка из дома Валуа» (так она сама себя именовала) жила милостыней. Сидя на парижской улочке с протянутой рукой, девочка вещала прохожим, что в ее жилах течет королевская кровь. Следует отметить, что Жанна действительно происходила от королевского рода Валуа по одному из внебрачных сыновей Генриха II, который царствовал с 1547 по 1559 год (ветвь этого древнего рода началась еще с Филиппа VI де Валуа, ставшего королем Франции в 1328 году).

Вероятно, так бы и осталась маленькая Жанна жалкой нищенкой, если бы в ее судьбу не вмешался Его Величество Случай. Однажды богатая маркиза Буленвилье, проезжавшая мимо в карете, заинтересовалась положением бедняжки. Еще бы, далекая правнучка Франциска I просит у прохожих подаяния! Маркиза проверила родословную девочки и отдала ее в пансион, а затем взяла к себе в дом на воспитание. Когда Жанна подросла, ею увлекся муж маркизы. Не желая «платить черной неблагодарностью своей благодетельнице», девушка покинула дом Буленвилье и поселилась в монастыре в Иерре, под Парижем, а потом в аббатстве Лоншан. Отведав тяжелый хлеб попрошайки и проведя какое-то время в доме богатых господ, Жанна усвоила простую истину, которую любила повторять: «Есть два способа выпрашивать милостыню: сидя на паперти церкви или разъезжая в карете». Разъезжать в карете ей, безусловно, нравилось больше. Но в полной мере способности авантюристки развились в Жанне, когда она вышла замуж за жандармского офицера графа Никола де Ла Мотта и, пытаясь угнаться за призраком ускользающего счастья, перекочевала жить в Париж. Было это в конце 1781 года.

С этого времени жизнь графини де Ла Мотт – это сплошные авантюры и приключения. Бросив не слишком удачливого мужа, Жанна познакомилась в столице со множеством интересных людей. Большая часть из них не могла остаться равнодушной к загадочной провинциалке, умевшей красиво подать свой ум и свое тело. Интересно, что вопрос о женской красоте Жанны до сих пор является среди историков довольно спорным. Некоторые из них полагают, что графиня де Ла Мотт была удивительно красива, но есть и такие, кто считает, будто она вовсе не отличалась внешней привлекательностью и красавицей «стала» лишь благодаря легендам. В качестве доказательств последние приводят свидетельства графа де Беньо, который, подробно описывая наружность знаменитой авантюристки, отмечал «прекрасные руки», «необыкновенно белый цвет лица», «выразительные голубые глаза», «чарующую улыбку» и в то же время «маленький рост», «большой рот», «несколько длинное лицо» и какой-то физический недостаток – какой именно, нелегко понять при вычурном слого автора: «Природа, по странному своему капризу, создавая ее грудь, остановилась на половине дороги, и эта половина заставляла пожалеть о другой...».

Если о внешних достоинствах Жанны де Ла Мотт и сейчас существуют различные мнения, то в том, что она была дьявольски умна, хитра и проницательна, не сомневался никто и никогда. Видимо, именно эти качества характера помогли ей осуществить хитроумный план, в результате чего она стала обладательницей бриллиантового ожерелья стоимостью 1 миллион 600 тысяч ливров (что являлось поистине баснословной суммой!). В ловко расставленных сетях ее интриги оказались запутанными королева Франции Мария Антуанетта, кардинал де Роган и даже знаменитый маг – граф Калиостро (Джузеппе Бальзамо). Последнее наиболее удивительно, ведь это был тот самый маг и волшебник, который якобы мог читать мысли собеседников, любой металл обращать в золото, проходить сквозь стены и тюремные решетки, а также врачевать любые болезни. Пожалуй, легче перечислить то, чего не умел делать знаменитый итальянец! Так или иначе, он, так же как и остальные участники интриги, сыграл в ней свою роль. В декабре 1784 года ожерелье из 629 бриллиантов, изготовленное ювелирами Бемером и Боссанжем для королевы Марии Антуанетты (по другим источникам, для фаворитки Людовика XV мадам Дюбарри) и оставшееся не выкупленным по причине смерти заказчика, доставили для осмотра в дом № 13 по улице Нев-Сен-Жиль, где проживала предприимчивая графиня. План авантюристки был прост и сложен одновременно – убедить епископа Страсбурга кардинала де Рогана в том, что королева Мария Антуанетта хочет тайно приобрести это ожерелье и его посредничество при покупке будет благоприятно встречено королевской семьей.

Стремившийся восстановить свое положение при французском дворе, Роган колебался недолго. После прочтения писем, якобы написанных королевой (для всемогущего мистификатора Калиостро это было сущим пустяком), и тайного ночного свидания, когда кардинал встретился с одетой как королева проституткой, он согласился приобрести ожерелье у ювелиров, дав обязательство внести плату по частям. Мошенничество было разоблачено, когда настало время первого взноса. Денег у кардинала Рогана не было, и ювелиры обратились непосредственно к королеве, которая крайне удивилась, узнав о «своем тайном желании» приобрести драгоценность. А ожерелье тем временем бесследно исчезло. По некоторым сведениям, оно было разделено и продано по отдельным камням в Лондоне. Так это или нет, доподлинно неизвестно, и дальнейшая судьба бриллиантов окружена тайной.

Жанна де Ла Мотт была уверена, что королевский двор не решится пойти на скандал, в котором окажется замешанной сама королева. Но авантюристка недооценила ярости короля. По его личному распоряжению графиня была схвачена и осуждена. Приговор судейской коллегии из 64 судей, возглавляемых председателем д'Алигра, оказался суров к Жанне: сечь плетью, заклеить как воровку и отправить на пожизненное заключение в тюрьму Сальпетриер. Выполняя решение суда, в 1786 году на Гревской площади в центре Парижа графине де Ла Мотт раскаленным железом выжгли на плече позорное клеймо – бурбонскую лилию. Палач

должен был нанести на плечо всего одно клеймо, но графиня рванулась из его рук и лилия смазалась. Тогда, в нарушение всех существовавших законов, было решено клеймить преступницу еще раз, что и было сделано. Второй раз графиня де Ла Мотт даже не шелохнулась, она была без сознания...

Душераздирающей сценой клеймения отчаянной авантюристки Александр Дюма заканчивает свой роман «Ожерелье королевы»: «Жанна, гибкая, как змея, воспользовалась тем, что палач недостаточно крепко держал ее одной рукой, сделала скачок в сторону. Она обернулась и с какой-то фанатичной радостью подставила палачу грудь. Благодаря этому движению роковое орудие, которое должно было коснуться ее плеча, опустилось ей на правую грудь и провело на теле дымящуюся борозду. Жанна содрогнулась всем телом от боли и стыда. Она была побеждена. Из уст ее не вырвалось более ни звука...» Заклейменную родовитую преступницу заключили в Бастилию. По приказу короля был арестован и кардинал Роган. Однако после десятилетнего заключения он был оправдан, как не подозревавший о злом умысле, и сослан в удаленный приход в Оверне. Правда, при этом он утратил возможность появляться в присутствии короля и королевы, лишился всех должностей и званий. Граф Калиостро также недолго оставался в заточении. После того как величайший мистификатор всех времен и народов девять месяцев провел в Бастилии, в 1786 году он был выслан из Франции.

Прошел всего лишь год с момента ареста графини, и та самым непостижимым образом бежала из заточения. По одной из легенд, Жанне де Ла Мотт удалось совершить побег в 1787 году, соблазнив охрану. После этого беглянка быстро покинула территорию Франции и затерялась на просторах Европы. Долгое время о ней ничего не было известно. Лишь через четыре года появились какие-то слухи, что графиня якобы умерла в Лондоне. По некоторым сведениям, великосветская авантюристка покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна своей комнаты. Так, по крайней мере, записано в приходской книге Ламбертской церкви в Лондоне. Арсений Маркевич, председатель Таврической архивной комиссии, писал об этом: «Большинство биографов графини Ла Мотт полагали, что она умерла в Лондоне в 1791 году, упав или бросившись после ночной оргии из окна. Они основывались при этом на собственноручном ее письме мужу, написанном якобы перед смертью, и на официальном документе, именно метрическом свидетельстве о ее смерти и самоубийстве в Лондоне... У биографа графини де Ла Мотт г-на Бертрена, французского вице-консула в Феодосии, имеется копия этого документа...» Но действительно ли Жанна де Ла Мотт погибла или это был только ловкий ход для того, чтобы заставить всех забыть о себе и зажить спокойной жизнью?

Еще до того как «умереть», графиня опубликовала скандальные мемуары, чернящие французскую королевскую семью. Романтически настроенные исследователи склонны видеть в пламенных речах Жанны де Ла Мотт, произнесенных на суде, и в ее мемуарах сильнейший компромат на королевскую власть, в недалеком будущем приведший к революционным событиям 1789 года. Сложно судить, насколько верно утверждение о том, что Жанна де Ла Мотт изменила ход истории, бесспорно одно – в своей личной судьбе она уж точно произвела коренной перелом.

Дело в том, что некоторое время спустя после смерти 26 августа 1791 года Жанна «воскресла». Ее по-прежнему именовали графиня, но на этот раз де Гаше («вернувшись с того света», Жанна вышла замуж за графа Гаше). Вместе с именем она поменяла и место жительства. Покинув Туманный Альбион, в 1812 году Жанна очутилась в Петербурге, став российской подданной. Вот как описывает графиню Гаше «Русский архив» – обстоятельный солидный журнал тех лет: «Это была старушка среднего роста, довольно стройная, в сером суконном рединготе. Седые волосы ее были покрыты черным беретом с перьями. Лицо приятное с живыми глазами... Многие перешептывались о ее странностях, намекали, что в ее судьбе есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок». Таинственной незнакомкой был заинтригован сам Александр I. Крымский исследователь П.

В. Коньков, замороженный личностью графини, приводит отрывок воспоминаний мадам Бирх, из которого следует, что император дал загадочной француженке особую аудиенцию: «...На следующий день, в назначенный час государю доложили о ней. Он подошел к графине: “Вы не та, кем называетесь; скажите мне ваше настоящее имя...”» Получасовая беседа графини с российским императором завершилась тем, что буквально на следующий день Жанна отправилась в Крым, присоединившись к группе пиетистов².

Это было странное путешествие российских мистиков, новых миссионеров, желавших обратить в христианскую веру крымских мусульман. Инициировала и возглавила мистическое путешествие, начавшееся весной 1824 года на Фонтанке в Санкт-Петербурге и закончившееся в конце 1830-х на берегу Черного моря, Анна Сергеевна Голицына, урожденная Всеволожская. В ее имении, в Кореизе, и поселилась графиня де Гаше. Там француженка провела конец 1824 – начало 1825 года. Прошло еще немного времени, и жаждущая уединения графиня переехала в Артек. Она обосновалась в одном из старейших на всем побережье зданий. «Чертовый домик», или, как его называют теперь артековцы, «Домик Миледи», был построен в XVII веке местным мастером по обжигу извести и служил ему сторожкой. Там и поселилась «леди с лилией на груди». До сих пор вожатые Артека пугают ребят рассказами о привидениях, обитающих в этом «проклятом доме». К слову сказать, в двадцатых годах XX века здесь проживал заместитель наркома здравоохранения, основатель и первый директор пионерского лагеря «Артек» Зиновий Петрович Соловьев.

Всевозможные мифы всегда преследовали таинственную графиню. Одно из преданий гласит, будто где-то недалеко от современной костровой площадки «Морского» отряда Артека зарыта шкатулка с тем самым знаменитым бриллиантовым ожерельем Марии Антуанетты. Эту легенду местные экскурсоводы рассказывают приехавшим в Крым туристам. И утверждают, что через некоторое время после переезда в Артек Жанна де Ла Мотт разбилась, упав с лошади. В действительности же графиня еще некоторое время жила на побережье и умерла от старости. Это случилось в Старом Крыму, куда неугомонная Жанна перебралась в 1825 году, чтобы купить сад, принадлежащий директору училища виноградарства и виноделия в Судакe барону Александру Карловичу Бодe. Осенью барон предложил графине поселиться в домике, который он собирался построить в Судакe, желая приобрести интересного собеседника для себя и опытную наставницу для своей дочери. Однако насладиться радостями жизни на юго-восточном побережье Крыма Жанне де Ла Мотт не пришлось – 23 апреля 1826 года ее не стало. Баронесса М. А. Бодe в своих мемуарах воспроизводит слова старой служанки о том, как провела предсмертные часы графиня. Жанна де Ла Мотт уничтожила весь свой архив, запретив трогать тело – «мол, его потребуют и увезут, а при ее погребении неизменно возникнут споры и раздоры».

Споры, конечно же, возникли, потому что, вопреки воле покойной, выполнявшая черную работу армянка обмыла труп и обнаружила на теле госпожи два сморщенных пятна, выжженных железом. Это «открытие» выступило якобы подтверждением личности гостыи баронессы Бодe, так как графиня де Ла Мотт, как известно, «...билась в руках палача, но приняла позорное клеймо, хотя и неясственно». Среди движимого имущества, оставшегося после ее смерти, было несколько шкатулок. Особое внимание окружающих вызывало содержимое одной из них, темно-синей. ... Как только в столице стало известно о кончине графини Гаше, в Крым сразу же примчался нарочный с предписанием начальника штаба Его Величества барона И. И. Дибича: по высочайшему повелению надлежало изъять из вещей покойной графини темно-синюю шкатулку. В соответствии с этим распоряжением в канцелярии Таврического губернатора завели дело «Об отыскании в имуществе графини Гаше темносиней шкатулки». Поиски велись долго. Шкатулку все-таки нашли, но она была совершенно пуста. Что в ней было, никто так и не

² Пиетизм – мистическое течение в протестантизме конца XVII–XVIII вв., отвергавшее внешнюю церковную обрядность, призывавшее к углублению веры и объявлявшее греховными развлечения.

узнал. Бумаги, проливающие свет на ту самую интригу, в которой были замешаны первые лица Франции? А может быть, в шкатулке лежало украденное некогда бриллиантовое ожерелье?

Графиней Гаше и содержимым ее шкатулки, так взволновавшей самого императора, заинтересовался историк Р. Белоусов. Он смог добраться и до результатов проведенного в 1826 году расследования: «Обратимся к этому делу, восстановим ход событий. Ночью накануне смерти графиня разобрала свои бумаги, часть из которых, по свидетельству служанки, бросила в огонь. Слух о том, что перед кончиной она будто бы бредила бриллиантами и рассматривала драгоценности, также исходил от служанки, как и рассказ о том, что графиня распорядилась не обмывать ее и похоронить, не раздевая, в чем была одета. Просьбу эту не выполнили и при обмывании обнаружили след клейма...» Долгое время после смерти графини Гаше велись яростные споры о том, кем же была эта француженка – умелым мистификатором или, на самом деле, легендарной Жанной де Ла Мотт? Ведь официальные бумаги свидетельствовали о том, что знаменитая авантюристка давным-давно похоронена в Англии. Уже в 1913 году писатель и философ, член Таврической архивной комиссии, барон Луи Алексис Бертрэн (Луи де Судак) создал смешанную франко-русскую комиссию, которая под его руководством доказала, что графиня Жанна де Ла Мотт в действительности похоронена в Старом Крыму, а не в Англии. В итоге тождество графини Гаше с графиней Жанной де Ла Мотт признало даже Французское историческое общество.

Так нашла свое последнее пристанище в Крыму заклеянная авантюристка, похитительница королевских бриллиантов, урожденная Валуа, графиня де Ла Мотт. Где-то на армяно-католическом кладбище Старого Крыма долгое время существовала могила французской графини, будоражившая воображение «черных археологов»: вензель в стиле рококо, ваза с орнаментом грубой работы, наверху небольшой крест. Могила просуществовала до 1967 года, пока не снесли церковь, возле которой располагалось погребение.

Казалось, теперь-то уж все ясно, и тайна знаменитой авантюристки раскрыта. Нашел, наконец, упокое и мятежный дух графини. Но не тут-то было. По-видимому, Жанна де Ла Мотт при жизни получила такой заряд авантюризма, что разряды продолжают уже второй век после ее физической смерти. И уже не жизнь – смерть ее окружена тайной! Вот где еще одна история, достойная пера несравненного Дюма! Дело в том, что бумаги великой авантюристки так и не были обнаружены. Как вообще не было обнаружено содержимое оставшихся после ее смерти шкатулок. Видимо, так же, как кому-то хотелось взглянуть на исчезнувшие бумаги, которые хранила у себя Жанна де Ла Мотт, кому-то очень не хотелось, чтобы их видели. Один из душеприказчиков французской графини феодосийский купец Аморетти в письме от 31 января 1828 года, адресованном французскому консулу в Одессе Шалляусу, выражал надежду: «Дай Бог увидеть скоро конец этой путаницы». Но чаяниям его не суждено было сбыться. Нам, современникам, остается лишь одно: строить догадки, поражаться причудам истории и думать о том, какие еще тайны скрыты под покровом Времени!

ВИДОК ЭЖЕН ФРАНСУА

(род. в 1775 г. – ум. в 1857 г.)

Современники называли Видока «королем риска» и «человеком с тысячей лиц». Он побывал по обе стороны закона: сделавшись легендой преступного мира, впоследствии прославился как основатель французской криминальной полиции (Сюртэ). Если бы судьба этого человека сложилась иначе, он мог бы стать обладателем маршальского жезла. Но, по его собственному признанию, этому помешала любовь к женщинам и дуэлям...

Видок родился 23 июля 1775 года в семье пекаря в Аррасе. По семейному преданию, в тот день шел проливной дождь, и принимающая роды родственница предсказала новорожденному бурную жизнь. Ее слова оказались пророческими.

И мать, и отец очень любили Эжена Франсуа – только по-разному. Отец надеялся воспитать помощника, который впоследствии займет место у печи. А мать просто относилась к сыну с нежностью. Детство его проходило в обычных мальчишеских забавах. Видок часто заглядывался на военных, пропадал у фехтовальных залов, что несколько тревожило родителей. Склонность к шикарной жизни проявилась в нем довольно рано, когда Франсуа познакомился с компанией молодых бездельников, проводивших все свое время в кафе. Для того, чтобы заработать на мед и пирожные, Видок вместе с братом нередко запускали руку в родительскую кассу. Когда же это обнаружилось, в ход пошли продукты, которые можно было продать, а затем и столовое серебро. Узнав об этом, отец попросил начальника полиции пару недель

поддержать сына в тюрьме. Выйдя из заключения, Франсуа был полон благих намерений: он собирался вести себя безукоризненно.

Возможно, так бы и случилось, если бы не два обстоятельства. Прежде всего, Видок был честолюбив. И уже в 13 лет мечтал о необыкновенных приключениях. К тому же у него был свой искуситель – один из завсегдатаев таверны по фамилии Пуаян. Он подбивал Франсуа на новые и новые «подвиги», пока не уговорил его взломать родительскую кассу, взять сразу много денег и отправиться на поиски приключений. Этот план был приведен в исполнение, и юный романтик пустился в путь. Он собирался отправиться в Америку, но в порту Остенде был обобран до нитки, доверившись обаятельному незнакомцу.

Оставшись без единого гроша в чужом городе, Видок не впал в отчаяние. Поначалу он планировал устроиться юнгой на корабль, однако во время прогулки увидел странствующий балаган. Директор этого заведения взял его на работу по рекомендации паяца (Видок завоевал его доверие, купив на последние уцелевшие гроши можжевелевой водки). Оказалось, что о выступлениях мечтать пока не приходится. Была только грязная работа, постоянный голод и побои. В конце концов, когда из Видока решили сделать дикаря, пожирающего сырое мясо, он схватил дубинку... Возможно, он сумел бы отплатить хозяину за все, но на помощь прибежала вся труппа, и строптивного артиста вышвырнули на улицу. Располагающая внешность помогла ему найти сочувствие у супружеской пары, выступавшей с театром марионеток. Но и на этом месте Видок не задержался. Причиной стало чрезмерное внимание, которым оделяла молодого ассистента жена хозяина. Дошло до драки, и Франсуа опять оказался на улице. Воспоминания о родительском доме становились все более привлекательными, и Видок решил вернуться в Аррас. Он нанялся к бродячему лекарю, отцу Готье, и вместе с ним пришел в Лилль. Там они расстались, и Франсуа отправился домой. Покровительство матери и заступничество знакомого священника помогли примирению с отцом. Каково же было удивление родителей, когда только что обретенный блудный сын сбежал с актрисой! Для того, чтобы обмануть бдительность ее мужа, Видок переоделся в женское платье, а горничная выдала его за свою сестру. Обман так и не обнаружился, но молодой любовник скоро надоел женщине, и они расстались.

Вернувшись домой, Франсуа решил поступить на военную службу. Его осанка, умение владеть оружием и бравый вид стали лучшей рекомендацией, и юношу тут же зачислили в егерский полк. На службе он проявил себя с лучшей стороны, и после битвы с австрийцами при Вальми был произведен в капральское звание (в это время ему исполнилось всего 16 лет). Молодой капрал сделал бы в армии блестящую карьеру, если бы не его вспыльчивость. За полгода он дрался на дуэли раз пятнадцать, убил двух противников и в конце концов затеял ссору с унтер-офицером собственного полка. Видок был посажен на гауптвахту и должен был предстать перед военным судом, но не стал дожидаться заседания трибунала. Вместе с товарищем он бежал, снова используя свои выдающиеся актерские способности. По пути в Филиппвиль им представился случай поправить свое незавидное финансовое положение: неграмотный солдат Божоле попросил их помочь разобраться с ценными бумагами. Дележ был осуществлен быстро. Божоле получил большую часть ассигнаций и вовсе не подозревал, что та кучка, которую взяли за услуги «помощники», составляет львиную долю всей суммы.

В Филиппвилле Видок узнал, что числится в списке дезертиров и подлежит суду. Он оседлал лошадь, прискакал на австрийские позиции и был принят в кирасиры. В наше время это назвали бы изменой родине, однако во Франции подобные инциденты были не в новинку. К чести Видока, он не собирался сражаться против своих, симулировал болезнь и до окончания боев пролежал в госпитале. А затем начал давать уроки фехтования офицерам. Его характер мало изменился, последовала ссора с бригадиром, и Видок был приговорен к двадцати ударам. Это было сильнейшее потрясение, и молодой человек решил снова отправиться на передовую. На его долю выпало немало испытаний. Выдав себя за бельгийца, дезертировавшего из прусской армии, он поступил в кавалерийский полк (из опасения встретиться с бывшими товари-

щами по оружию). Однажды он все-таки оказался бок о бок со своими старыми сослуживцами, и они рассказали ему об амнистии. Видок с радостью вернулся в 11 полк. Вскоре он был тяжело ранен, и после пребывания в госпитале начальство дало ему шестинедельный отпуск. После возвращения в строй последовало новое ранение, и Видок решил лечиться дома. Начальство не возражало, и он прибыл в Аррас.

Город был охвачен унынием и ужасом. На городской площади установили гильотину. Ежедневно совершались казни. Зачастую осужденные ничего не знали о причине своего ареста. Революционный террор не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. Видок только чудом избежал казни: перед началом дуэли (виновницей которой, конечно же, была женщина) он был схвачен жандармами и брошен в тюрьму. Только заступничество матери спасло его от знакомства с «гуманным» изобретением доктора Гильотена. Видок вернулся в строй, но и там встретился с гильотиной: ее всюду возили за собой солдаты революционной армии, наводя ужас на местных жителей. В конце концов, помогая ограбленной австрийцами семье судовладельца, Видок был ранен (потерял два пальца) и вместе с дочерью хозяина обосновался в Лилле. Дело шло к свадьбе, но невеста изменила будущему мужу с доктором. Франсуа выставил ее за дверь, дав немного денег на дорогу в Гент – к матери. А сам принялся искать утешения. Через некоторое время, скрываясь от ревнивого мужа в женском платье, он был схвачен. Генерал, которому Видок доверил все подробности своего положения, долго смеялся, а затем снабдил его письменным направлением в Брабант и отпустил.

Вместо Брабанта Франсуа отправился домой, в Аррас. Там он сблизился с патриотом Шевалье, сестра которого сделала все возможное и невозможное, чтобы стать женой Видока. Она объявила, что беременна. Выбирать было не из чего: Шевалье мог жестоко отомстить за бесчестье, и Видок женился – в 18 лет. Брак его не был ни долгим, ни счастливым. Новобрачная сразу дала понять, что предпочитает, чтобы муж находился как можно дальше от нее – в Дорнике. Приехав однажды по поручению в Аррас, Франсуа застал жену с любовником. Сцена погони стала достоянием всех соседей. Даже Шевалье не смог ничего сделать для спасения репутации сестры. Видок выполнил поручение и, простившись со всеми, отправился с докладом к генерал-адъютанту в Дорник. Генерала он не застал, отправился вдогонку и некоторое время колесил по стране. Поиздержавшись в пути, Франсуа решил дожидаться возвращения генерала в Брюсселе. Там он поселился у знакомой кокотки и стал вести праздную жизнь завсегдатая кафе. Вскоре он стал свидетелем работы компании шулеров. Как человек наблюдательный, Видок сразу понял, в чем дело, и от него предпочли откупиться. Эта «плата за молчание» вместе с деньгами, присылаемыми матерью, позволила ему жить с некоторым шиком. Однажды его задержала полиция. Видок решил скрыть свое настоящее имя (ведь его могли обвинить в дезертирстве) и назвался уроженцем Лилля по фамилии Руссо. Спустя некоторое время его знакомые из брюссельского кафе снабдили его фальшивыми документами на эту фамилию. Ему выдали свидетельство подпоручика шестого егерского полка, путешествующего верхом и имеющего право на помещение и продовольствие. Таких «офицеров» во Франции того времени было множество. Все они получали из казны полное довольствие, время от времени устраивали себе «повышение» по службе, и единственным ограничением карьеры служил талант каждого конкретного авантюриста. Видок вскоре стал капитаном гусар, познакомился с баронессой. Его непосредственный «начальник» – авантюрист со стажем – предлагал ему жениться на ней, однако Видок не стал пользоваться доверчивостью женщины и открылся ей. Баронесса на следующий день уехала из города, оставив ему в знак добрых чувств шкатулку с пятнадцатью тысячами золотом.

Судьба словно играла с Видоком: вскоре он сам оказался обманут женщиной. Розина опустошила его карманы столь же быстро, как баронесса их наполнила. Дольше оставаться в Брюсселе было невозможно, и Франсуа решил податься в Лилль. Здесь его жизнь не стала спокойнее. Вначале он связался с шайкой воров, затем (снова из-за женщины) оказался в тюрьме.

Видок был осужден всего на три месяца, но его сокамерники – Груар и Гербо – изготовили поддельные документы, чтобы освободить еще одного узника, крестьянина Буателя. Когда их преступление было раскрыто, они дали показания, по которым Видок не только являлся их сообщником, но чуть ли не инициатором всей операции. В результате он был приговорен к шести годам каторги. Видок решил бежать при первой же возможности. Франсина – женщина, из-за которой он оказался в тюрьме, – принесла ему трехцветную ленту. Загримировавшись, чтобы походить на инспектора, и украсив лентой пояс и шляпу, Видок покинул тюрьму. У него не было ни денег, ни паспорта. Искать убежища можно было только у Франсины. По недостатку опыта Франсуа и не подозревал, что именно у нее будут искать его в первую очередь. Он вновь оказался в камере, но вовсе не собирался там задерживаться.

За последующие годы Видок испробовал множество способов выбраться из тюрьмы. Он спускался с башни на веревках, сделанных из простыней; проламывал стены; совершал подкопы... И, конечно же, устраивал «спектакли» с переодеванием. Перевоплощался он мгновенно. Стоило только возникнуть малейшей возможности бежать, как Видок ее использовал. Однажды он облачился в одежду монахини, которая ухаживала за ним в лазарете. В другой раз, когда оба конвоира были зачем-то вызваны из комнаты, надел забытую ими шинель, взял одного из арестантов за руку и спокойно вышел за дверь. Он действовал так уверенно, что все, кто встретился им на пути, даже не усомнились в его статусе. Впрочем, не все побеги были удачными. Один раз узники неправильно рассчитали направление подземного хода, и он оказался затоплен. Чтобы не захлебнуться в воде, пришлось позвать на помощь тюремщиков. В другом случае веревка оказалась слишком короткой, и Видок сильно повредил себе ноги. Тем не менее, он заслужил репутацию человека, который в огне не горит и в воде не тонет. Преступники его уважали, полицейские агенты – боялись и ненавидели. Все их приемы были бесполезны, когда речь шла о короле риска. Чтобы оправдать свои неудачи, они даже распустили слух, что Видок – оборотень, способный на глазах превратиться в копну соломы.

Свое пребывание в тюрьме (а позже – на каторге) Видок использовал весьма плодотворно. Он обучился кулачному бою у знаменитого Жака Гутеля, освоил искусство нищих, способных при помощи самых простых и безобидных средств симулировать любую болезнь, в совершенстве овладел воровским аргом. Однако, находясь в самом сердце преступного мира, Видок сумел сохранить и свою волю, и убеждения. Он не хотел становиться закоренелым преступником, окончательно порывать с обществом. Все, чего он добивался, – свободы. И права вернуться на прямой путь. Но как раз в этом ему и было отказано. Клеймо каторжника делало его в глазах общества не человеком, а сильным и опасным зверем, которого необходимо держать на цепи. Но Видок был французом, а во Франции есть поговорка: сможешь все, если будешь уверен, что все сможешь.

Его цель оказалась вполне достижима, хотя путь к ней был долгим и тернистым. Видок был и погонщиком скота, и школьным учителем, плавал на каперском судне. Ему приходилось участвовать в абордажах, когда их корабль захватывали английские суда. Около десяти лет (1799–1809) он существовал почти открыто в качестве торговца одеждой. Однако прошлое висело над ним как дамоклов меч. В любой момент его могли опознать бывшие каторжники. Многие из них, чтобы получить вознаграждение, охотно сдали бы его властям. Другие требовали бы платы за молчание или – что гораздо хуже – помощи в организации преступлений. В конце концов так и произошло. Но Видок нашел выход из положения. Он не стал скрываться, а предложил свои услуги властям. Поначалу его действия были крайне осторожными – несколько анонимных писем о готовящихся преступлениях. Затем он отважился появиться в приемной шефа первого отделения полиции префектуры Парижа господина Анри. И предложил ему сделку. Видок брал на себя обязательство очистить Париж от преступности. Взамен он просил простить все его прошлые проступки и обеспечить средствами его самого и своих помощников – бывших заключенных. Анри был в растерянности. С одной стороны,

еще не было случая, чтобы расследование правонарушений доверили каторжнику. Но с другой – Видок, знавший преступный мир изнутри, был единственным человеком, который действительно мог справиться с этой задачей. Дело решилось в пользу новоявленного сыщика. И вскоре на улице Святой Анны открылась контора Сыскной полиции.

Поначалу в распоряжении Видока оказалось всего четыре помощника. Но даже такая небольшая группа вызвала бурю недовольства со стороны горожан, окрестивших ее «бандой Видока». Уголовный мир также не обрадовался такому назначению: ведь энергия нового главы сыска и его целеустремленность была прекрасно известна в этой среде. Опасения преступников оказались не напрасными. Видок ухитрялся справиться имевшимися в его распоряжении силами даже в тех случаях, когда официальная полиция в страхе отступала. Он нередко отправлялся на задержание в одиночку, и его репутация стоила поддержки целого взвода полицейских. Одним из самых знаменитых расследований Видока было дело о похищенных из Лувра драгоценностях. Новый глава сыска предложил господину Анри выпустить из тюрьмы наиболее знаменитых скупщиков краденого, а служащих музея на время заменить карманниками: их наблюдательность могла сослужить хорошую службу. Принятые меры привели к поимке преступника – графа де Руссильона. После этого дела Луи Филипп высочайше даровал Видоку помилование.

Постоянно балансируя между жизнью и смертью, Франсуа, тем не менее, не ожесточился. Однажды во время задержания знаменитого вора Саблена у его жены начались преждевременные роды. Нимало не смутясь, Видок сказал перепуганной женщине и ее мужу: «Уверяют, что Людовик XIV принял роды у мадам де Вольер. Могу вас заверить, что сумею и я принять роды у мадам Саблен». Мать предложила Видоку стать крестным отцом мальчика, и он из своего кармана оплатил соответствующую церемонию. Анекдот? Вероятно. Но он не мог возникнуть, будь на месте главы криминальной полиции другой человек.

В новой роли Видок выступил так же талантливо и артистично, как и во всех предыдущих. Он часто прибегал к маскировке, появляясь на улицах Парижа то в обличье водопроводчика, то в женской одежде. Безбоязненно проникал в воровские притоны, где его принимали за своего – но не узнавали. Острый ум, хладнокровие, фотографическая память и умение действовать в самых сложных обстоятельствах сделали его постоянным поставщиком парижских тюрем. К его услугам была широкая сеть осведомителей. Кроме того, Видок стал первым сыщиком, догадавшимся вести картотеку преступников. В каждой карточке значилось имя, количество судимостей, была описана внешность. В архиве насчитывалось около пяти миллионов таких карточек, и их количество постоянно увеличивалось. Все это сделало работу криминальной полиции (Сюртэ) чрезвычайно эффективной. Только в течение 1817 года было произведено свыше 800 арестов, а в среднем подразделение Видока (состоящее к тому времени уже из 12 человек) раскрывало более 100 преступлений в год.

Не забывал он и о личной жизни: в 1720 года женился на Жанне Виктуар Герен, тридцатилетней вдове. Правда, через четыре года ее не стало, как и матери Видока. Он тяжело переживал эти потери, но работа отнимала столько сил и времени, что приносила хотя бы иллюзию утешения. А через некоторое время Франсуа связал свою судьбу со своей кузиной – Флерид Альбертин Монье, которая стала ему настоящим другом и помощником.

Семнадцать лет отдал Видок сыску. За эти годы за решетку попало около 20 тысяч преступников. Однако с назначением нового префекта полиции – Делава – атмосфера сильно изменилась. Новый шеф не желал, чтобы криминальная полиция состояла из одних уголовников, требовал от Видока совершенно невероятных вещей. Например, чтобы его сотрудники регулярно посещали церковь... Понимая, что под таким руководством ему будет невозможно спокойно работать, в 1827 году Видок подал прошение об отставке. Как бы в отместку за несоговорчивость, ему не предложили пенсии, ограничились только благодарственным письмом и компенсацией в размере трех тысяч ливров. В ответ Видок сжег списки осведомителей и увел

с собой всех своих сотрудников. Позже, во время Июльской революции 1830 года и восстания 1832 года о Видоке вспомнили как о последней надежде. И он вернулся в Париж с горсткой своих подчиненных, делая все возможное и невозможное для поддержания порядка на улицах. И, может быть, не таким уж преувеличением были слова о том, что именно Видок и его сотрудники спасли королевство. Но все это было позже. А пока бывший глава криминальной полиции решил сменить обстановку.

После ухода из Сюртэ Видок перебрался в деревенский дом в Сент-Манде и принялся писать мемуары. Издатель Тентон тут же купил их, и к славе сыщика добавилась серьезная писательская известность. Тут же появились подделки – якобы продолжение записок Видока. От соблазна не смог удержаться даже его издатель, что заставило Видока отстаивать свои интересы в суде. Впрочем, литературные труды – далеко не единственное времяпровождение бывшего начальника тайной парижской полиции. Он открыл фабрику по производству бумаги с водяными знаками, пригласив в качестве рабочих бывших каторжников. Затем создал частное детективное агентство («Бюро расследований в интересах торговли»), которое составляло нешуточную конкуренцию полиции. В связи с этим Видоку приписывают фразу: «Я очистил столицу от воров, которых в ней было видимо-невидимо, теперь могу очистить от мошенников торговлю». Вскоре отделения его бюро появились в городах провинции и даже за рубежом. Его услугами пользовались коммерсанты, банкиры, промышленники – люди богатые, и вскоре доход Видока стали исчисляться миллионами. Он занимался расследованием преступлений на самом высоком уровне, часто затрагивая интересы крупных мошенников. На него покушались, пытались подавать в суд. Дважды (в 1837 и 1842 гг.) отправляли в тюрьму. Так, в 1842 году, расследуя дело афериста Шемпе, Видок сумел убедить его вернуть потерпевшим деньги в обмен на свободу. Но вскоре Шемпе был арестован полицией, которая обвинила Видока в превышении полномочий и в том, что он якобы... похитил самого афериста. Самое удивительное, что Шемпе не только подтвердил это обвинение, но и подал на Видока в суд. Его приговорили к пяти годам тюрьмы и пяти годам строгого надзора, а также к штрафу в три тысячи франков. Но после повторного расследования дела сыщик был оправдан.

Видок каждый раз выходил из схватки победителем. Единственный противник, над которым он был не властен, – это время. Силы его постепенно истощались, хотя он пережил уже очень многих близких людей, в том числе свою третью жену. Однако его деятельная натура оставалась еще полной идей. Видок посетил Лондон, где вел переговоры о создании организации «Всемирное расследование» (прообраз нынешнего Интерпола).

Во время революции 1848 года Видок полностью разорился. Он отошел от дел и удалился в свое поместье. Вскоре бывший сыщик оказался за чертой бедности, и только тогда власти выделили ему небольшое ежемесячное пособие в размере 100 франков. В апреле 1857 года восьмидесятидвухлетнего Видока разбил паралич. Он еще надеялся, прикоснувшись к земле, восстановить свои силы, но этого не случилось. После десятидневной агонии Видок скончался. Франция лишилась одного из величайших людей своего времени.

Благодаря своей выдающейся биографии и не менее выдающейся личности Видок вошел не только в историю криминалистики, но и в литературу. Он послужил прототипом бальзаковского Вотрена и героя романа Гюго «Отверженные» Жана Вальжана. А Эдгар По написал свои знаменитые рассказы под впечатлением от прочитанных им мемуаров Видока. С появлением кинематографа было снято множество фильмов об этом человеке: черно-белый «Видок» Жана Кемма (1922), «Скандал в Париже» Дугласа Серка, совсем недавно снятый «Видок» Питофа. И, видимо, интерес к его жизни угаснет не скоро – разве что тогда, когда исчезнет сам дух авантюризма.

МАСТЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТРИГИ

АНКУДИНОВ ТИМОФЕЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ

(род. в 1617 г. – ум. в 1654 г.)

Будучи сборщиком налогов, этот авантюрист растратил великокняжескую казну. Сбежав за границу, выдал себя за Василия Шуйского, сына царя Ивана. Как «престолонаследник», заручился поддержкой Польши, Рима, Стамбула, Швеции. Его арестовали в Голицини, затем передали в Москву, где он и был казнен.

У подавляющего большинства людей жизнь проходит тихо, без больших потрясений и бурь. Что может рассказать о своей жизни скромный обыватель? Родился, крестился, женился, потом – дом, работа и все! Но есть люди, жизнь которых похожа на занимательный авантурный роман: одно событие нагромождается на другое, да так, что иногда даже не верится, что это правда. С трудом можно вообразить, что за 36 лет жизни можно поменять не только свое имя, но и 4 (!) религии, 8 стран проживания и высоких покровителей. И все это, заметьте, в XVII веке. Оказывается, можно! Знакомьтесь – Тимофей Дементьевич (Демидович) Анкудинов, авантюрист и самозванец.

Впрочем, происхождение его было самое заурядное, семья – не бедной, но и не очень зажиточной. Отец – Дементий Анкудинов, из стрельцов, занимался мелкой торговлей. Покупал по окрестным деревням холсты и полотно, а потом в Вологде сбывал их московским купцам. В сыне родители души не чаяли, мальчик рос красивым и смышленным, и отец определил его на учение в школу при Пафнутьевском монастыре. Способный ученик, Тимофей быстро научился всей школьной премудрости – читать, считать и красиво писать. К тому же он оказался музыкально одаренным юношей, обладал хорошим слухом и прекрасным голосом. Как первый ученик, он не мог не обратить на себя внимание высшего церковного начальства. Отец Нектарий, вологодский архиерей, взял его себе в келейники. Тимошка, великолепно исполняя секретарские обязанности, стал правой рукой у престарелого владыки. Более того, вскоре отец Нектарий за него выдал замуж свою любимую внучку Авдотью Васильевну.

Юноша стремительно поднимался по социальной лестнице – родня самому архиерею, да и неплохое приданое принесла молодая красавица жена. «Внук» столь знаменитого дедушки вовсю пользовался данными ему привилегиями. А когда старик заболел, Тимофей фактически взял дела епархии в свои руки. На официальных бумагах появилась подпись: «Тимофей Анкудинов, наместник архиерея Вологодского и Великопермского».

Но в 1636 году отец Нектарий умер, и так хорошо начавшаяся карьера Тимошки резко приостановилась. Новый архиерей, как это часто бывает, начал пристраивать к делу своих людей, поэтому «команду» бывшего владыки ощутимо потеснили. Не стало места здесь и двум закадычным друзьям – Тимошке Анкудинову и дьяку Ивашке Патрикееву. Патрикеев, вольный как ветер, подался в Москву, где и устроился в одном из приказов, а Тимофей, связанный семьей, остался в Вологде. Праздная жизнь богатого человека скоро ему наскучила. Анкудинов – натура деятельная, ищет, чем себя занять, и вскоре находит занятие по вкусу – кабаки, продажные женщины, азартные игры. За два года было промотано все состояние, а между тем в семье родился ребенок. Тимофея это отрезвило, и он решил с семьей перебраться в Москву, где уже устроился его друг Патрикеев. За прошедшие два года Иван стал дьяконом при князе

Черкасском в приказе Новой Чети. Сюда же он устроил и Анкудинова писцом. Приказ занимался очень прибыльным делом – собирал налог за продажу спиртных напитков с великокняжеских кабаков и трактиров.

Работать Тимошка мог, когда хотел. Князь Черкасский заметил старание молодого писаря, ставшего вдруг таким необходимым. За три года работы в приказе Анкудинов вырос до сборщика денег и хранителя казны. В семье тоже установился мир – к тому времени Тимофей Дементьевич (как его теперь почтительно все называли) был уже отцом двоих детей. Младшему сыну он выбрал крестными своих сослуживцев – писца Ивана Пескова и дьяка Василия Шпилькина.

Но достигнув благосостояния, Тимофей опять заскучал и решил разнообразить свою правильную жизнь азартными играми и посещением увеселительных заведений. Денег на это уходило все больше, поэтому скоро приказной казной он стал распоряжаться как собственной. Неизвестно, сколько это могло бы продолжаться, но в приказ вскоре прибыла ревизия во главе с боярином Морозовым. А в казне к тому времени был уже большой недочет. В те суровые времена с растратчиками царских денег не церемонились, казнокрадам рубили правую руку и сажали в тюрьму. В тюрьму Тимошка не хотел, а деньги уже потрачены, и за короткое время честным путем их не заработать. Тогда Анкудинов выдумал небольшую легенду и пошел с ней к своему куму Василию Григорьевичу Шпилькину. Он поделился с другом своим горем: приезжает из Вологды богатый купец, его давний приятель. Они давно не виделись, и хочется Тимофею показать себя с самой лучшей стороны, какой он стал богатый и уважаемый человек. Одно плохо: у жены нет дорогих украшений, поэтому он и просит Василия одолжить ему для супруги жемчужный воротник и другие украшения, которые завтра же будут возвращены владельцу. Шпилькин не только на словах посочувствовал бедолаге, он поступил как настоящий друг, дал украшения. А назад их отдавать никто не торопился. Кум долго напоминал Анкудинову о долге, потом не выдержал и пожаловался князю Черкасскому. На княжеском суде Тимошка нагло все отрицал и требовал доказательств: расписки или долгового поручительства. Ничего этого у Василия, естественно, не было, и за неимением доказательств Анкудинова отпустили, а Шпилькин поклялся отомстить бывшему другу.

Украденные драгоценности не залатали все дыры в казне, да и жена все время упрекала за кражу. Тимофей стал опасаться, как бы она во время исповеди не рассказала все священнику. И тогда Анкудинов решился на страшное преступление.

В то время он познакомился с обедневшим польским шляхтичем Константином Конюховским, таким же пройдохой, как и он. Тимошка посвятил его в свои планы, и они вдвоем решились их исполнить. Анкудинов отдал младшего сына под присмотр крестного отца Ивана Пескова, под предлогом того, что едет с женой по святым местам. Авдотье же своей покаялся в грехах, который раз пообещал исправиться. Глубокой ночью, забрав все ценное, он поджог дом вместе со спящей женой. Теперь все нити были обрезаны, и осенью 1643 года Тимофей Анкудинов пустился в «свободное плавание».

От пожара сгорела почти вся улица, опознать останки не было никакой возможности, и соседи решили, что все Анкудиновы погибли в огне. А в это время Тимофей с Конюховским уже был у польской границы. В придорожном кабаке, недалеко от Витебска, беглецам улыбнулась удача. Здесь остановился следовавший на родину немецкий купец Миклаф. Приятели еще раньше приметили его породистого брабантского коня, и пока Тимошка развлекал купца интересной беседой, подливая в кубки вина, его напарник вывел жеребца из конюшни. Конь оказался воистину золотым, в седельных сумках было спрятано 2000 талеров – вся выручка купца от торговли с Москвией. Миклаф не поленился, вернулся назад в Москву и в Тайном приказе описал грабителя. Словесный портрет очень напоминал приказным дьякам Анкудинова, и тогда в его смерти засомневались, тем более, что ревизия обнаружила в казне огромную недостачу.

А беглецы тем временем спокойно добрались до Польши. Для Речи Посполитой это время было не самым лучшим: волнения в Украине, шведское вторжение и последствия затяжной войны с Россией. К тому же не оправдались надежды польского короля Владислава на российский престол. Он уже представлял себя с российскими скипетром и державой в руках, но Поляновский мир 1634 года одним из своих пунктов перечеркнул эти мечты напрочь. Поэтому польский король с радостью пользовался любой возможностью, чтобы досадить восточному соседу. И Тимошка, по совету Конюховского, решил теперь именоваться Иоанном Шуйским, сыном умершего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Его не смущало, что Василий Иванович детей не имел, да и его два брата – Дмитрий Иванович и Иван Иванович не оставили потомства мужского пола. Не смущал этот факт и короля Польши. Владислав милостиво принял «престолонаследника», обещая ему свою поддержку во всех начинаниях. «Нам ведомо, что он вор, но через него я принесу много хлопот Московии», – парировал король возражения приближенных по поводу самозванца. А пока Анкудинову был предоставлен дом в Варшаве, «4 пары коней, 2 крытых возка для пользования, 10 жолнеров для стражи, 6 пахолков для услуг и 3000 злотых в месяц на содержание». Два года для господина и его слуги, которого играл верный Конюховский, прошли совсем незаметно. Снова женщины, карты, вино... Но идиллия, к сожалению, не может продолжаться вечно. Владислав умер, не успев воспользоваться услугами Лжешуйского, а новому королю Яну Казимиру было не до Анкудинова. Он отказал в выдаче Тимошке очередной суммы содержания. Опыт пройдох подсказывал, что ловить здесь больше нечего, пора искать других покровителей.

Мошенники отправились в Едигульские орды к хану Девлет-Гирею. Со своей легендой они стремились попасть к турецкому султану. И чтобы доказать ему свою лояльность, Анкудинов принял мусульманство. Наконец, при содействии Крымского хана, они попали в Стамбул, ко двору султана. Умел очаровывать людей Тимошка, в этом ему не откажешь. Его басням о высокородности поверил Великий визирь. «Иоанн Шуйский» пообещал турецкому хану Астрахань с пригородами, если тот поможет ему с войском. В это время Османская империя расширялась, и предложение авантюриста звучало очень заманчиво. Пока султан раздумывал, как ему лучше к этому делу приступить, Анкудинов совсем потерял голову. Легкие победы вдохновляли его на безумные выходки. Однажды напившись, он проник в гарем любимца султана Мухамеда Киуприли, что считается в мусульманском мире очень большим оскорблением. Но, видимо, под счастливой звездой родился Тимофей, судьба и на этот раз дала ему уйти от неминуемой смерти.

Далее «путешественники» отправились в Италию: сперва в Венецию, а потом в Рим. В 1648 году в очередной раз, третий по счету, наш герой поменял религию. Мусульманство в Италии не ценилось, и чтобы понравиться очередному покровителю, на сей раз папе Иннокентию X, Анкудинов принял католичество. Папе подошел инициативный «царевич», и он удовлетворил просьбу «Шуйского» о Конгрегации, поручив проповедовать унию в Украине.

Поэтому Анкудинов и Конюховский в 1649 году перебираются в Украину к казацкому предводителю Богдану Хмельницкому, который в то время находился в Переяславе. Тимошка и здесь, естественно, отрекомендовался Иоанном Шуйским со слугой. Очевидцы отмечали: «Льстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо». Гетман в это время набирал силу, принимал многочисленные посольства: польское от Яна Казимира во главе с Адамом Киселем, посольство из Трансильвании от князя Дьердя Ракоци, русское – от молодого царя Алексея Михайловича во главе с Унковским.

Русское посольство преподнесло Анкудинову неприятный сюрприз. Среди посольских людей оказался Тимошкин знакомый – дьяк Иван Козлов. Они, конечно, узнали друг друга. Не зная всех Тимошкиных махинаций, Козлов предложил мошеннику вернуться на Родину и с повинной прийти к Алексею Михайловичу. Молодой царь недавно женился и поэтому очень

милостив, он легко сможет простить недостачу в своей казне. Анкудинов поблагодарил друга за заботу и участие, но, увы, домой ехать не спешил.

Простодушный Козлов рассказал о своем заблудшем товарище Унковскому, и тот навел справки у самого Хмельницкого. Услышанное его ошеломило: мало того, что прохвост выдает себя за отпрыска царской фамилии, так он еще и посягает на царский престол! Посол немедленно потребовал у гетмана выдачи Анкудинова и отправил срочную депешу в Москву. Богдан Хмельницкий самозванца выдавать не спешил: «Вам его надо, вы и ловите, а я своих казаков на такое дело не дам!» Но 22 апреля 1650 года король Ян Казимир отправляет Хмельницкому письмо, в котором среди прочего приказал выдать по просьбе российского посольства «самозванца Тимофея Анкудинова, который называет себя царевичем Иваном, внуком Василия Шуйского». Понимая, что тучи над ним сгущаются, Тимошка грозы ждать не стал и в одну из ночей тихо отбыл в одном ему известном направлении.

Тем временем царь Алексей Михайлович приказал разослать во все посольства указ о поимке Тимошки Анкудинова. Немецкому купцу Миклафу, как человеку, знавшему самозванца в лицо, был выдан открытый лист на его поимку в случае встречи.

Тем временем бывший казначей расширил географию своих походов. С верным Конюховским он отправился сперва в Австрию, в Вену. Однако как Анкудинов ни старался, там никто на его чары не среагировал, и мошенник решил пробираться в Трансильванию к князю Ракоци, о котором он много слышал от послов еще у Богдана Хмельницкого. В 1650 году Анкудинов прибыл в столицу князя город Вейсенбург, представляясь, как всегда, Иваном Шуйским. Еще раньше, когда при дворе турецкого султана Тимошка услышал, что Швеция стремится к союзу с Ракоци против России, у него созрел план дальнейших действий. Самозванец здраво рассудил, что у шведской королевы «престолонаследника» примут очень сердечно. Осталось только у Дьердя Ракоци взять рекомендательные письма – и в путь.

Правившая в то время Швецией королева Кристина, дочь Густава II Адольфа, была личностью неординарной. Время ее царствования называют «золотым веком» шведской аристократии, щедрой рукой королева раздавала титулы своим любимцам – достойным и не вполне достойным. В начале ее царствования в Швеции насчитывалось 4 графских и 9 баронских родов, в конце – 76 титулованных дворянских фамилий. Помимо этого, Кристина была экстравагантным для своего времени человеком. Терпеть не могла женское общество, обожала мужскую одежду, скачки, охоту, собак и хорошее вино, окружала себя умными и оригинальными людьми.

Анкудинов как раз очень хорошо вписывался в систему ее предпочтений, тем более что при нем были рекомендательные письма Ракоци. Не только королева, но и влиятельный канцлер Оксеншерна были очарованы «Иваном Шуйским». Кристина своим повелением назначила ему «дом для помещения, обед со своего стола, 10 человек прислуги и 5000 талеров в месяц». Для Анкудинова и Конюховского снова наступили прекрасные времена. Тимошка, чтобы угодить государыне, в очередной раз поменял религию – теперь он стал лютеранином. «Царевичу» было обещано самое деятельное содействие при занятии престола.

Но все хорошее очень быстро заканчивается. В Стокгольм прибыли русские торговцы и опознали Анкудинова. В Москве купцы сообщили об этом в Тайный приказ, и в Швецию был отправлен дьяк Иван Козлов с депешей для королевы Кристины, в которой указывалось: «Дошло до сведения Его царского Величества, что некий русский, к большому ущербу для Его царского Величества именуемый себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющий себя Iohannes Sinensis, явился в Стокгольм; поэтому желательно, чтобы, ради соседственной дружбы, означенный Лжешуйский был выдан этому их посланному». Кристина, ознакомившись с депешей, пришла в ярость и повелела схватить обманщика. Но Анкудинов узнал о грозящей ему опасности и испарился буквально из-под носа королевских посланцев. На этот раз он убежал так быстро,

что в спешке не успел забрать своего друга Константина Конюховского. Шляхтича поймали, заковали в кандалы и отправили в Москву. Тимошка же в это время убежал в Лифляндию. Но удача, похоже, окончательно отвернулась от авантюриста. Оскорбленная королева Кристина со своей стороны тоже начала искать Анкудинова. В Ревеле Тимошка был схвачен и заключен под стражу именно по ее розыскному письму. Но в тюрьме самозванец томился недолго. Губернатор Ревеля оказался между двух огней: два монарха разыскивают мошенника, выдай его одному, другой обязательно обидится. Не желая испытывать судьбу, он потихоньку освободил заключенного.

Свободу Анкудинов получил, но сохранить ее теперь было очень нелегко, ведь за ним уже началась настоящая охота. Русский царь Алексей Михайлович разослал ко всем европейским королям и князьям своих послов с розыскными грамотами. Тимошка уже нигде не мог чувствовать себя в безопасности и, как заяц, петлял по всей Европе, пытаясь запутать следы. Рига, Мемель, Вертенберг, Голштиния, Брабант... Вот неполный перечень тех мест, где он пытался скрыться от правосудия. В целях безопасности мошенник не всегда назывался Иваном Шуйским. В Брабанте он гостил у эрцгерцога Леопольда, а в Тильзите и Лейпциге со странствующей труппой фокусников «показывал силу». Наконец, Анкудинов прибыл в Голштинию, в город Нейштадт – владения герцога Голштинского Фридриха II, где всегда было много купцов и другого торгового люда. И надо же было такому случиться, что в это время в Нейштадте находился и немецкий купец Миклаф. Неизбежное произошло – купец опознал вора. Его заключили в ратушу, но все еще могло обойтись, однако здесь оказался новгородский купец Петр Микляев, посланный к немецким князьям и монархам с царскими розыскными грамотами. Самозванца доставили в княжескую резиденцию – Готторп и стали держать до особых распоряжений.

Алексею Михайловичу сразу же доложили о поимке Лжешуйского, и тот немедленно направил гонцов к его светлости князю Шлезвиг-Голштинскому со следующим посланием: «В минувшем 1644 году – по московитскому календарю 7152-м – обокрали нашу царского величества казну Тимошка Анкудинов да Костька Конюхов, которые от наказания смертною казнью бежали из земель нашего царского величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как они и там совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертной казнью и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота [Богдана] Хмельницкого, который обоих вышеназванных наших воров и изменников, по приказанию великого государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польского, должен был схватить... Однако воры и изменники наши бежали в Рим и приняли там латинскую веру, а затем бежали к другим государям, затевая у них смуту и переименовав имена свои. Один из них, Тимошка, называл себя Шуйским, а в иных местах Sinensis'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов... позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу. Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означенного нашего изменника и переслать его нам». Два раза русский царь посылал это послание голштинскому князю – 31 октября 1652 года и 5 января 1653 года. Тексты обоих посланий были идентичны, но во втором была маленькая приписка, что за выдачу изменника «...наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость». Фридрих II очень долго, почти год раздумывал, как бы повыгоднее обменять своего пленника. 17 октября 1653 года русский государь в третий раз попросил выдать пленника, и голштинский князь наконец выдал Анкудинова в обмен на несостоявшийся договор о позволении торговать с Персией и Индией через русские земли.

Все это время сидел в Нейштадте и Василий Григорьевич Шпилькин – по иронии судьбы сопровождать пленника поручили именно ему. Однажды бывшим друзьям было разрешено свидание в присутствии знатных придворных князя. Анкудинов с важным видом выступил

навстречу посетителям, попросил, чтобы говорили с ним на «сарматском» языке. На вопрос Шпилькина о Тимофее Анкудинове он ответил: «...весьма возможно, что негодяй по имени Тимошка Анкудинов и обокрал казну великого князя, но его лично это не касается, так как его имя Iohannes Szuensis, по-сарматски – Шуйский». Позже в особой записке для князя о своей родословной он напишет: «Родился я и воспитан в некоей части королевства Польского, в провинции Новгород-Северской, вотчинник я в Украине Северской, где у меня собственные именья “Великое Болото”, близ московитской границы». Словом, Тимошка сам развлекался и герцога потешил.

Наконец самозванца повезли домой, в Москву. Анкудинов понимал, что от царя пощады не будет, поэтому два раза покушался на самоубийство. Оба раза неудачно, его жизнь для дознания берег Шпилькин. Доставили Тимошку в разбойных дел приказ, где на дыбе стали выяснять его личность. Полгода проводилось царское дознание. Анкудинов упорно именовал себя Иваном Шуйским. К нему приводили бывших коллег-писцов, купца Миклофа, Василия Шпилькина, кума Ивана Пескова и даже родную мать. Но ни многочисленные очные ставки, ни пытки не смогли вырвать у него признаний. Царю надоело слушать доклады об упрямстве самозванца, и он приказывает казнить его четвертованием – обычной казнью для преступников такого рода.

В августе 1654 года на площади перед Кремлем Тимофею Анкудинову прочли приговор и потом мучительно казнили. На казнь привели его друга и сообщника Константина Конюховского. Он покался во всех грехах, поэтому ему оставили жизнь и только отрубили три пальца на левой руке, а не на правой, чтобы он смог креститься, затем отправили на каторгу в Сибирь.

Остается добавить, что в день казни Анкудинова приехал из Польши посланник к русскому царю. И на аудиенцию его провели специально через место казни самозванца, чтобы вся Европа потом знала, что с Лжешуйским покончено.

Д'ЭОН ДЕ БОМОН ШАРЛЬ ЖЕНЕВЬЕВА

**Полное имя – Шарль Женевьева Луиза
Августа Андре Тимоти д'Эон де Бомон**

(род. в 1728 г. – ум. в 1810 г.)

Французский дипломат, посланник при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны, капитан драгун, тайный агент короля Людовика XV Д'Эон считался непревзойденным мастером интриги, великолепным фехтовальщиком и стрелком, бесшабашным и удачливым дуэлянтом, одаренным литератором. Об этом удивительно талантливом человеке, сыгравшем большую роль в заключении русско-французского договора и написавшем интересные заметки о России, долгие годы ходило множество самых невероятных слухов. Личность уникальная даже в перечне наиболее известных авантюристов Европы: он прожил 82 года, причем в течение 48 лет считался мужчиной, а 34 – женщиной...

Родился знаменитый авантюрист 5 октября 1728 года в городе Тоннере. В документах значилось, что в семье де Бомон появился наследник, соседи также были уверены в том, что новорожденный – будущий шевалье. Но один из биографов д'Эона де Ла Фортейль заявлял, что на самом деле речь шла о девочке, которую, по странной прихоти родителей, записали в акте

как мальчика. Соответственно этому ее одевали и воспитывали с пеленок. Тот же биограф объяснял подобную «оригинальность» семьи де Бомон просто: мол, отец, желавший непременно иметь сына, думал этим отомстить обманувшей его природе. Но существует и более правдоподобное объяснение: родители ребенка могли лишиться какого-то наследственного поместья в том случае, если у них не родился бы мальчик. Тогда они, недолго думая, решились на подлог, выдав новорожденную дочь за сына. К тому же часть имен, полученных д'Эоном, явно женские, а часть давалась как женщинам, так и мужчинам. Но ведь наряду с этим среди имен младенца числятся и типично мужские! И вообще, в католических странах существует обычай, по которому новорожденных при крещении нарекают именами их крестных родителей. При этом различия полов в расчет не берутся. На заявления самого авантюриста надеяться также не приходится: в разное время он утверждал как свою принадлежность к прекрасной половине человечества, так и к сильному полу – с равным жаром и убедительностью.

Как бы там ни было, воспитывали юного отпрыска дворянского рода в традиционной манере: растили достойного продолжателя рода, способного постоять за себя в жизни. Едва выйдя из детского возраста, он был отослан родителями в Париж, в коллегию Мазарена, где проявил недюжинные способности к наукам, пылкий ум и прекрасную память. Позже юноша был переведен в юридическую школу, по окончании которой получил степень доктора гражданского и канонического права. Еще в детстве у д'Эона проявился литературный талант, и позднее он написал несколько томов заметок, историко-статистических очерков и очерков своей жизни; его обширная переписка способна не прояснить ситуацию относительно его принадлежности к одному из полов, а еще больше запутать исследователей.

Но мирный литературный труд не удовлетворял эту кипучую, деятельную натуру. Так что вскоре юный шевалье приобрел громкую известность как один из самых сильных и опасных дуэлянтов во всей Франции. Но окружающих всегда удивлял внешний вид этого острого на язык драчуна: при всей своей воинственности д'Эон удивительно походил на хорошенькую девушку. На размышления наводили прекрасные белокурые волосы, томные светло-голубые глаза, нежный цвет лица, на котором не было и намека на растительность. Добавьте к этому портрету небольшой рост, гибкую и стройную талию, маленькие руки и ноги, нежный голос и изящные манеры – и вы поймете, почему у его современников возникали сомнения по поводу принадлежности шевалье к мужскому полу. Ведь его внешность как нельзя более подходила великосветской даме-аристократке!

Аргументы в пользу своей мужественности д'Эону неоднократно приходилось предъявлять обидчикам в виде удачного удара шпаги или меткого выстрела. Но злые языки не оставляли его в покое: умный и обаятельный поэт не увлекался женщинами... Только в 26 лет д'Эону было суждено испытать чувство любви – его покорила очаровательная и остроумная графиня де Рошфор. Это увлечение шевалье стало поворотным моментом в его жизни. Однажды графиня, любившая розыгрыши, убедила Шарля пойти с ней на один из придворных маскарадов, переодевшись в женское платье. Юная «прекрасная незнакомка» вызвала неподдельный интерес у мужской половины собравшихся и зависть у женщин. Естественно, что на «фальшивку» клюнул и сам король, отличавшийся большой любвеобильностью. Он стал настойчиво проявлять интерес к «юному созданию», а когда узнал о своей ошибке, то был сначала ошарашен, а затем пришел в восторг.

В то время расстроились и без того не слишком стабильные отношения с русским двором. Охлаждение дошло до того, что Людовик вынужден был отозвать из Петербурга своего посла. Франция стала все острее ощущать невыгоды своего отчуждения от России. Так что перед французскими дипломатами остро стоял вопрос если не восстановления отношений с дочерью Петра Великого, то хотя бы получения обстоятельных и достоверных сведений о положении дел при ее дворе. Но каким образом это осуществить, если прекращены все отношения между обеими сторонами? Отправить в Россию тайных агентов? Но один из них уже схвачен, объ-

явлен шпионом и отправлен в заточение в Шлиссельбургскую крепость. Стоит ли рисковать вновь, посылая к Елизавете еще кого-то? Людовик XV все-таки решился на новую попытку восстановления дружественных отношений с Россией. К этому времени своенравная императрица несколько поостыла, а ее фаворитом стал страстный поклонник Франции граф Шувалов. Людовик предположил, что Елизавета может не препятствовать появлению в Петербурге нового французского посольства, но все же боялся получить унижительный для своей страны отказ. Тогда он и вспомнил о встрече на маскараде. Но прежде решил поговорить с принцем Конти, мечтавшем о польском престоле и мнившем себя поэтом. Это последнее его заблуждение как раз и поддерживал шевалье д'Эон, частенько помогавший высокородному поэту отыскать капризную, ускользающую от него рифму. Принц пришел в восторг от идеи коронованного родственника послать в Россию этого элегантного и утонченного дуэлянта в женской одежде. Но решающей все же стала поддержка авантюрного проекта фавориткой короля, знаменитой маркизой Помпадур: она на собственном опыте знала все преимущества, которые имеет красивая женщина в вопросах влияния на государственные дела.

Людовик планировал отправить в Петербург одного из сторонников падшей династии Стюартов, кавалера Дугласа Маккензи. Этот шотландец, изгнанный из Великобритании, проживал в Париже и был известен как ловкий, умный и проницательный человек. Но Маккензи для выполнения миссии был необходим помощник: главная задача, стоявшая перед ним, заключалась в установлении контакта с самой Елизаветой. Так что с шотландцем нужно было отправить человека, который, не вызывая подозрений, мог бы беседовать с императрицей с глазу на глаз. Больше всего на эту роль подходила женщина, но надежной дамы-агента у Людовика просто не было. Так что кавалер д'Эон, обаятельный, артистичный, умный и вместе с тем способный при необходимости исчезнуть, вновь переодевшись мужчиной, оказался находкой для французского монарха. К тому же шевалье был человеком верным и искренне преданным королю.

Итак, Дуглас Маккензи должен был отправиться в Россию под видом частного лица, путешествующего с поручением относительно закупки мехов. Кроме того, шотландец мог при необходимости выдавать себя за ученого геолога. Д'Эон должен был изображать его племянницу. Этой паре поручили собрать сведения о положении в России, о состоянии армии и флота, об отношении к самой императрице разных придворных партий. Маккензи предписывалось составлять очень короткие, отрывочные заметки об увиденном и систематизировать их после возвращения во Францию. Инструкции, полученные от короля, были написаны с большими сокращениями и очень мелким шрифтом, так что вместе с условным шифром поместились в тайнике между стенками обычной табакерки. От д'Эона требовалось войти в контакт с императрицей, узнать о ее чувствах к Франции и о том, не будут ли ее министры препятствовать установлению прямого контакта с Людовиком. Кроме того, шевалье должен был выяснить, на какие партии разделяется русский двор, какие лица пользуются особым доверием дочери Петра, поддерживает ли Елизавета венский и лондонский кабинеты, насколько большое влияние имеют ее фавориты на министров.

Итак, д'Эон в облике девицы Луизы де Бомон приехал в Петербург. Он выглядел великолепно, вызывая живейший интерес мужского населения: за счет принца Конти его снабдили в дорогу всеми принадлежностями роскошного дамского гардероба. Принц недаром проявил такую щедрость: и он сам, и французский монарх надеялись на брак Конти с Елизаветой. В случае отказа предполагалось, что агент должен добиться передачи принцу командования над русскими войсками либо закрепления за ним Курляндии.

Несмотря на всю таинственность посольства, вскоре по Парижу расползлись слухи осылке французского шевалье в Россию под видом девицы. Что касается миссии Маккензи, то она была не слишком удачной: английский посол Вильямс Генбюри каким-то образом узнал о цели его приезда и устроил так, что шотландцу был перекрыт доступ ко двору русской само-

держницы. Однако озадаченный англичанин писал в своих донесениях, что «секретные интриги Дугласа» все же нарушили отношения Петербурга и Лондона. Дело в том, что Вильямс посчитал проделки д'Эона интригами упрямого шотландца... Агенты Бестужева-Рюмина вскоре выслежили Маккензи и выслали его из России. Но представителям «вражеского» дипломатического лагеря оставалось лишь недоумевать: сколько же шотландец успел натворить им неприятностей за столь короткий визит!

«Племянница» Маккензи, которая называла себя Луизой де Бомон (кстати, это правда, – посмотрите на полное имя шевалье!), действительно сыграла большую роль в деле сближения России с Францией. Прямым подтверждением этого факта может служить одно из писем Людовика XV, в котором он говорил о степени влияния этой «барышни» на решения Елизаветы Петровны. О том же говорится и в письмах графа Воронцова, вице-канцлера российского двора, откровенно симпатизировавшего Франции. Девушка Бомон, «племянница» Дугласа, была представлена ему первому. Позднее она добилась возможности переговорить с влиятельным вельможей с глазу на глаз. Игривое настроение Воронцова, вполне оправданное столь недвусмысленной встречей, быстро улетучилось, когда очаровательная гостья извлекла из своего корсета зашитое туда письмо Людовика XV. Красавица деловито объяснила опешившему графу, что ей поручено передать его светлости это послание и образец шифра для составления сообщений посреднику французского двора. Кроме того, необходимо, чтобы Михаил Илларионович представил ее Елизавете Петровне, потому как в обязанности девицы Бомон входит передача лично в руки императрице сочинения Монтескье.

Книга эта была особенная: ее переплет состоял из двух листов плотного картона, между которыми были спрятаны письма Людовика XV с секретным шифром. Переплет был обтянут телячьей кожей, края которой затем подклеили бумагой с мраморным рисунком. После того как том полностью собрали, его на сутки положили под пресс. В результате никакой специалист не мог даже предположить, что книгу использовали в качестве тайника. Поручение, данное девице Бомон, должно было оставаться тайной не только для версальских министров, но и для французского посланника при русском дворе. Ведь д'Эону поручили проверить все сообщения французского министерства иностранных дел относительно сведений, полученных в Петербурге. При этом его обязали сопровождать все пересылаемые документы своими личными комментариями.

Так или иначе, но, представленный ко двору, д'Эон блестяще справился с поставленной перед ним задачей. Он умудрился настолько войти в доверие к своенравной самодержице, что вскоре был объявлен ее чтицей и поселен во дворце, рядом с апартаментами государыни. Ловкая и обаятельная «барышня» завоевала расположение Елизаветы, которая под влиянием бесед со своей любимицей написала Людовику XV письмо дружеского характера. В нем высказывалось согласие принять дипломата, который предоставит ей основные условия заключения союза Франции и России. Правда, миссия, возложенная на д'Эона принцем Конти, оказалась все же неудачной: Елизавета отклонила его предложение о браке. На просьбу назначить принца главнокомандующим русских войск также был дан вежливый, но категорический отказ. Мечты Конти о Курляндии оказались столь же безжалостно разбиты. Уязвленный, он отошел от дел, уступив место старшему королевскому секретарю по иностранным делам де Терсье. Д'Эон, получив из рук императрицы письмо к своему монарху, отправился обратно в Париж. Людовик принял своего агента очень благосклонно.

В следующий свой визит в Петербург авантюрист оказался облаченным уже в мужское платье. Правда, при дворе русской государыни невероятное сходство секретаря посольства и мадемуазель де Бомон, возвратившейся во Францию, вызвало поначалу недоумение и нездоровый интерес. Тогда д'Эон объявил, что Луиза – его родная сестра, они близнецы, которых в детстве путали даже их собственные родители.

С назначением Маккензи поверенным по делам Франции и д'Эона – секретарем посольства в Петербург прежняя политика государства Российского круто изменилась. Елизавета разорвала заключенный ранее стараниями Бестужева-Рюмина договор с Англией, открыто приняла сторону Австрии против Пруссии, отправила войска, расположенные в Лифляндии и Курляндии, на соединение с австрийскими и французскими войсками. Правда, возникли и некоторые трудности. Дело в том, что Австрия и Франция традиционно считались защитниками Турции. Россия же не желала налагать на себя союзнические обязанности по отношению к своему исконному врагу. И если представители Австрии сразу же выразили согласие заключить с Елизаветой новый наступательный и оборонительный союз, применимый в равной степени и к Турции, то Франция не спешила присоединиться к нему. Тогда Дуглас предложил некую полумеру: новый договор не являлся обязательным в отношении Турции, но эта особая статья должна была оставаться в глубокой тайне.

В Версале подобное двоедушие было принято весьма неблагосклонно. Тогда на выручку послу пришел д'Эон. Он использовал доверие Елизаветы к себе и подключил к решению проблемы Шувалова – решительного противника политики Бестужева. В результате спорный вопрос был решен в пользу Франции. И снова Шарль-Луиза отправился в дорогу. На этот раз он должен был доставить в Версаль подписанный Елизаветой договор и план кампании против Пруссии. Копия плана была им доставлена также маршалу д'Этре в Вену. Людовик остался очень доволен и в качестве благодарности за услуги пожаловал своему агенту чин драгунского поручика и золотую табакерку со своим портретом, усыпанным бриллиантами.

По словам самого авантюриста, в это же время он добыл в одном из самых секретных архивов империи, в Петергофе, копию с так называемого завещания Петра Великого. Эту копию и свою записку о положении дел в России он передал двум лицам: Людовику XV и министру иностранных дел аббату Бернесу. То, что данный документ был не слишком ловким подлогом, не вызывает никаких сомнений. Об этом свидетельствует стиль изложения, говорящий о том, что завещание не могло быть написано не только самим Петром, но и вообще русским. Но вот авторство д'Эона здесь бесспорно. Вполне вероятно, что ловкий авантюрист мог решиться мистифицировать даже французского монарха, чтобы показать свою значимость как удачливого дипломата. Ведь риск подобного предприятия сводился к минимуму, так как не было никакой возможности проверить подлинность «украденной» копии. Да и король не мог предать огласке этот не слишком честный поступок своего доверенного лица. В бумаге, доставленной д'Эоном в Париж, значилось, что, согласно воле Петра, Россия должна была находиться постоянно в состоянии войны. Все войны должны были служить территориальному увеличению империи. Управление русской армией Петр будто бы требовал передать иностранцам. В общем, весь документ свидетельствовал о захватнической политике России, которая должна была в итоге покорить всю Европу, распространить свое влияние до Константинополя и Индии, завладеть Турцией, разорить и захватить Францию.

Конечно, сочинить «завещание» д'Эону было не так уж и сложно. Некоторые из пунктов документа могли быть просто позаимствованы из той политики, которой государство Российское в действительности придерживалось со времен Петра. Остальные же могли быть плодом фантазии реального автора «завещания». Но кабинет министров Франции счел планы, изложенные в документе, фантастическими. Тем не менее, д'Эона снова отправили в Петербург, где в начале 1758 года место Бестужева занял граф Воронцов. Благодаря его дружбе и доверию шевалье получил от Елизаветы предложение навсегда осесть в России. Но д'Эон отказался от такой чести и в 1760 году уехал на родину. Принять такое решение его заставили проблемы со здоровьем, среди которых числилась и болезнь глаз, требовавшая серьезного лечения у лучших врачей. С собой он увозил продленный русско-французский договор и морскую конвенцию, заключенную между Россией, Данией и Швецией. По возвращении шевалье был удостоен личной встречи с Людовиком XV и назначения приличной ежегодной пенсии. На время с дипло-

матией было покончено, и д'Эон в качестве адъютанта маршала Брольи принял участие в военных действиях.

Наступали тяжелые для Франции времена: в результате переворота 28 июня 1762 года на российском престоле оказалась Екатерина II. Вслед за этим Россия вышла из Семилетней войны, что ускорило поражение французов. Тогда Людовик задумал способствовать реставрации правления Стюартов и возрождению Ирландии. И д'Эон получил назначение секретаря при посольстве в Лондоне. Его обязанностью была добыча сведений, полезных для армии Людовика. О его миссии должны были знать только трое: король, его личный секретарь и глава Тайного отдела. На сей раз информация, полученная от агента, держалась в секрете даже от мадам де Помпадур, доверие к которой со стороны монарха дало серьезную трещину.

Шевалье д'Эон по приезде в Лондон был принят королевой Софи-Шарлоттой. Его встретили весьма любезно и предоставили комнату во дворце. Но через несколько месяцев маркиза Помпадур через своих шпионов узнала о поручении, данном Людовиком д'Эону. Могущественная фаворитка обиделась на короля и решила отомстить... агенту. Случай открыть тайные военные действия вскоре представился. В Лондон был направлен новый посол, граф де Герий, друг маркизы. Вскоре после своего прибытия он потребовал от д'Эона передачи доверенных ему королем бумаг и немедленного отъезда шевалье во Францию. Но Шарль-Луиза взбунтовался и отказался покидать берега Туманного Альбиона без прямого распоряжения Людовика XV. Тогда министр иностранных дел Франции, еще один друг мстительной фаворитки, прислал письмо, подписанное королем, с тем же приказом. Интуиция, видимо, была сильной стороной д'Эона: он не подчинился предписанию, а вечером того же дня Людовик тайной запиской потребовал от своего агента впредь до особого распоряжения оставаться в Англии, так как дома его ожидают неприятности.

Вскоре к д'Эону был подослан некий де Вержи, мелкий служащий. Ему было приказано выкрасть у шевалье тайные бумаги. Попытка подсыпать агенту снотворное за ужином провалилась. Тогда в квартире француза была взломана дверь и произведен тщательный обыск, который также не увенчался успехом. Следующий приказ, исходивший от мадам Помпадур, де Вержи исполнять отказался: он не хотел оказаться причастным к убийству. Молодой человек отправился к своей потенциальной жертве и все рассказал. Д'Эон укрылся у друзей.

В это же время шевалье стал любовником королевы, и однажды ночью, в 1771 году, столкнулся в ее спальне с Георгом III, закатившим супруге безобразнейший скандал. Сложно сказать, чем могла бы обернуться эта семейная сцена, если бы не вмешательство церемониймейстера Кокрейля. Он объяснил королю, что ничего предосудительного в этом случае не могло иметь место, так как на самом деле очаровательный француз – девица, тайный агент Людовика XV, уже в течение нескольких лет носящая то мужское, то женское платье. Георг решил разузнать правду у своего посла во Франции. Кокрейль же, известив королеву о том, что он сообщил ее супругу, посоветовал своей госпоже послать письмо французскому королю. Людовик был весьма озадачен, получив из Англии сразу два послания. Из затруднительного положения ему помогла выйти новая фаворитка, принявшая сторону королевы Шарлотты. Георг, получивший сообщение о том, что д'Эон действительно женщина, сразу же сделал его достоянием гласности. Сам шевалье был весьма раздосадован этими слухами. Возвратившись во дворец, он вызвал всех сомневающихся в том, что он мужчина, на дуэль. Английский король, не избавившийся от подозрений, тут же принял решение о разрыве отношений с Францией. Людовик, не ожидавший такого поворота дел, вынужден был обратиться к д'Эону с просьбой признать себя дамой. Шевалье не мог отказать в помощи своему патрону, тем более что в данном деле оказалась замешана честь королевы Англии. Но Георг заявил, что женщина обязана носить приличествующее полу платье. Д'Эон взбунтовался, между ним и Людовиком завязалась ожесточенная переписка. Вопрос неожиданно решился в сентябре, когда до француза дошли сведения о том, что ревнивый супруг сделал все, чтобы превратить жизнь Шарлотты в ад. Но шевалье все

же потребовал компенсации за моральный ущерб: он выговорил себе денежное вознаграждение, которое французский двор был обязан выплачивать ему в течение 21 года, а также восстановление всех его должностей и званий. В том случае, если его требования не выполнялись, он грозил опубликовать тайную переписку между Людовиком и русской императрицей.

Окончательные переговоры было поручено провести Бомарше, который должен был изъять у строптивца бумаги, из-за которых могли оказаться разрушенными отношения с Россией. Но и здесь не обошлось без анекдота: драматург и не подозревал, что имеет дело с капитаном драгун, и после недолгого знакомства, очарованный умом и внешностью «собеседницы», предложил д'Эону руку и сердце. Слух о предстоящем браке быстро разнесся по Лондону, окончательно успокоив Георга. Во Франции же лично знавшие шевалье люди сначала показывались со смеху, а после впали в некоторую задумчивость. Сразу всплыли все сплетни и подозрения насчет этого человека, так что многие хмурились: «Да кто его знает...» И действительно, неужели мог ошибиться такой любитель женщин, как Бомарше? А может, именно он и оказался прав?

Сам же д'Эон получил указ переодеться в женское платье. Но в благодарность за самопожертвование и спасение отношений между Англией и Францией королева Мария Антуанетта взяла на себя обязанность снабдить шевалье всеми принадлежностями женского гардероба, пошитыми у лучшей столичной модистки. И тут д'Эон вдруг заявил, что он в действительности является женщиной! Этот плут настолько запутал современников, что никто уже не мог с уверенностью утверждать, к какому же полу принадлежит шевалье. Тем более что позднее он начал жаловаться на не приличествующую настоящему мужчине одежду. Но отныне и до конца своей жизни бывший дипломат и военный будет вышивать, ткать, наносить румяна... Так пройдут последние 34 года его жизни. Правда, после смерти Людовика XV он обратился к его преемнику с просьбой отменить указ бывшего монарха. В ответ последовал новый заказ модистке. Получив обновы, шевалье вновь сменил курс и стал утверждать, что природа наделила его женским телом, но одарила храбростью настоящего мужчины. Тут же он вспомнил о Бомарше, который покушался на «ее девичью честь».

После революции вновь на смену кокетливой барышне пришел бравый вояка, ополчившийся против юбок и косметики, но... Вместо того, чтобы помочь несчастному, революция отобрала у него пенсию, назначенную королем. Теперь жизнь бывшего дипломата стала совсем безрадостной. Ему оставалось потихоньку распродавать некогда прекрасную библиотеку и зарабатывать жалкие гроши, давая уроки фехтования.

Этот человек, столь озадачивший современников, умер 10 мая 1810 года, немного не дожив до своего 82 дня рождения. После его смерти врачи произвели осмотр и вскрытие тела, заявив, что загадочный шевалье был драгунским офицером. Но похоронили его все же как нищую старуху, поскольку у д'Эона была только женская одежда.

МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЕЛЬ РИКЕТИ ДЕ

(род. в 1749 г. – ум. в 1791 г.)

Один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Великой французской революции, народный трибун. Современники не могли говорить о нем равнодушно: его либо ненавидели, либо боготворили. Русская императрица Екатерина Вторая отзывалась о Мирабо так: «Он не единой, но многие виселицы достоин», а толпа парижан называла его «отцом народа». После свержения монархии он стал фактически двойным агентом. Некоторые лидеры революционного движения догадывались об этом, но не имели прямых доказательств. Знаменитый трибун успел умереть до разоблачения. Он стал первым из великих людей, похороненных в Пантеоне, и первым, кто покинул его.

Оноре Габриель Рикети, граф де Мирабо родился 9 марта 1749 года в замке Биньон в Провансе. Он был старшим среди 11 детей в богатой аристократической семье. Его отца, знаменитого экономиста маркиза Виктора Рикети де Мирабо, по праву считали одним из наиболее просвещенных людей своего времени. Наряду с Кенэ и Мерсье де ля Ривьером он стал основателем такого знаменитого направления буржуазной политэкономии, как физиократическое учение. Матерью будущего трибуна была Мария Женевьева, урожденная де Вассан. Родители наделили ребенка глубоким умом и буйным нравом. Маркиз и его супруга буквально ненавидели друг друга на протяжении всей своей жизни и вели нескончаемую имущественную тяжбу,

так что громкие семейные скандалы были обычной обстановкой в замке, где прошло детство Оноре.

Мальчик родился с физическим недостатком – искривленной ногой. Когда ему было три года, в Провансе свирепствовала эпидемия оспы. Ребенок заразился, болезнь протекала очень тяжело, и родители уже привыкли к мысли о том, что их нелюбимый первенец скоро умрет. Но случилось чудо, ребенок выжил, на всю жизнь сохранив напоминание о страшной болезни – изуродованное лицо. Правда, окружающие довольно быстро привыкали к внешней непривлекательности молодого Мирабо, поскольку ее с лихвой искупали красивые блестящие глаза и необычайная подвижность и выразительность лица. Характер у него был действительно сложным: порывистый, своенравный и вспыльчивый. Но при этом ребенок проявлял такую жажду знаний, упорство в труде и гибкость мышления, что домашние преподаватели, обучавшие Оноре, приходили в полный восторг от способностей своего ученика. Его наследственный непокорный и упрямый характер был основой всех конфликтов мальчика с родителями. Виктор Мирабо с ранних лет возненавидел своего отпрыска, буквально преследуя его. Сын платил отцу той же монетой. Когда Оноре исполнилось 10 лет, в дневнике маркиза появилась запись: «Это – чудовище в физическом и нравственном отношении, все пороки соединяются в нем».

Ребенок рос, скандалы принимали все больший размах, и в 1764 году отец поместил Оноре в военную школу, надеясь обуздать его нрав. При зачислении маркиз запретил сыну называться своим настоящим именем и записал его как Пьера Бюффье. Но четыре года муштры не утихомирили буйного наследника не менее норовистого отца. Под тем же вымышленным именем Оноре после окончания школы попал в полк. Здесь он вел весьма беспорядочную жизнь и умудрился за короткий срок наделать массу долгов. Вдали от родительского дома в полной мере проявилась склонность молодого человека к авантюризму и необузданная страсть к удовольствиям. Внезапно он сбежал с места военной службы, спасаясь от кредиторов и обманутой им девицы. Известия, полученные маркизом о разгульной жизни старшего сына, вызвали у него взрыв негодования. Он добился особого разрешения и отправил непутевого отпрыска под стражу в крепость на острове Рэ. Это заключение стало началом длительного скитания Оноре по тюрьмам и яростной многолетней борьбы между отцом и сыном. Конфликты чаще всего происходили из-за денег: маркиз был очень богат, но при этом патологически скуп и долги наследника оплачивать не торопился. Не одобрял старый аристократ и бесконечные любовные похождения Оноре, из-за которых тому пришлось оставить военную службу.

Из заключения буйный молодой человек смог выбраться, выразив готовность немедленно отправиться в военную экспедицию на Корсику. Оттуда он вернулся уже в чине капитана драгун, но образ жизни менять решительно не собирался. Правда, между несением службы и веселыми похождениями он все же умудрился выкроить свободное время и написать «Историю Корсики». Это вызвало новый виток напряженности в отношениях с отцом. Маркиз уничтожил книгу, едва она попала к нему в руки, поскольку написанное в ней шло вразрез с его собственными философскими и экономическими взглядами. Но был в этом эпизоде жизни Оноре и положительный момент: отец наконец-то заметил, что его сын обладает большими умственными способностями и талантом экономиста и политика. Спустя некоторое время, обуздав свою гордость, Виктор де Мирабо сообщил юноше, что согласен на примирение и готов дать ему шанс завоевать уважение родителей. В дальнейшем он всячески старался привлечь молодого человека на сторону своих экономических теорий. Так, маркиз внезапно выразил желание вернуть наследника домой, где поручил ему управление своими поместьями, и настоял, чтобы сын вновь принял имя Мирабо.

Казалось, жизнь Оноре потихоньку начала входить в спокойное русло. А в 1772 году он познакомился с Эмилией Мариньян, богатой наследницей, и по совету отца вступил с ней в брак. Но семейная жизнь Оноре оказалась неудачной. Его сын, Виктор, который мог бы удерживать семью от развала, умер вскоре после рождения. Отныне супругов ничего не связывало –

ни общность интересов, ни взгляды на жизнь. За короткое время молодой Мирабо промотал большую часть состояния жены и наделал долгов на 120 тыс. франков. Разъяренный маркиз в 1774 году добился, чтобы не оправдавшего его надежд сына сослали на жительство в захудалый городишко Маноск. Здесь, лишенный возможности вести разгульную жизнь, ставшую уже привычной, молодой бунтарь написал свое первое большое печатное сочинение. В нем он высказал серьезные смелые взгляды на государственное управление и проблемы, связанные с содержанием постоянной армии. Книга продемонстрировала не только глубокий и гибкий ум молодого аристократа, но и его обширные исторические знания.

В это время до Мирабо доходят слухи об оскорблении, нанесенном его сестре, г-же де Кабри. Возмущенный дворянин самовольно покидает место принудительного поселения, чтобы сразиться с обидчиком на дуэли. Но вернуться назад в Маноск Оноре не успел: стараниями собственного отца он был арестован и заточен в замок Иф. С этого времени жена оставила Мирабо, отказалась встречаться с ним и не отвечала на все просьбы супруга о примирении. Вскоре новый заключенный превратился в настоящую головную боль для тюремщиков, затем он соблазнил жену начальника замка. После такого скандала Мирабо перевели в крепость Жу, но заключение здесь разительно отличалось от предыдущего. Ограничение свободы в Жу было для него чисто формальным, так что Оноре имел прекрасную возможность поддерживать отношения с аристократическим обществом соседнего городка Понтарлье. Попытки примирения с отцом, предпринятые Мирабо, успехом не увенчались, маркиз упорно отказывался освободить его. Впервые в жизни будущий трибун ощутил, что он покинут всеми.

От ощущения одиночества его спасла встреча с женой старого маркиза де Моннье, Софией. Оноре, влюбленный как никогда ранее, убедил ее бежать с ним в Швейцарию. Оттуда пара переехала в Голландию, где Мирабо предложили работу переводчика с английского и немецкого. Кроме того, беглец подрабатывал написанием статей. Здесь же он создал еще один свой трактат, в котором выразил протест против государственной тирании. Но над головой влюбленных уже сгустились тучи. Оскорбленный в своих чувствах, де Моннье выдвинул обвинение против сбежавшей супруги. По решению суда ее объявили в розыск. К тому же отец самого Мирабо не желал успокаиваться и вновь натравил на него полицию. Вскоре влюбленные были схвачены, Софию заточили в монастырь, где ей предстояло оставаться до конца жизни. Что же касается Оноре, то его отправили в Венсеннскую тюрьму. Ослепленный жаждой мщения, де Моннье подал на него жалобу в парламент, и на очередном заседании Мирабо был приговорен к смертной казни, хотя такая мера наказания в отношении его была незаконна: София сама, добровольно последовала за любимым за границу, так что ни о каком похищении речь не шла.

Исполнение приговора все время откладывалось, и таким образом в тюрьме Оноре просидел три года. Поначалу заключенному не позволяли писать, но вскоре предоставили ему бумагу и чернила, оговорив при этом, что все написанное будет обязательно просматриваться полицией. В эти годы из-под пера Мирабо вышли письма к Софии, несколько романов, политических трудов и очерков. Свободу необузданный аристократ получил только накануне своего тридцатилетия. Он все же сумел добиться отмены смертного приговора и даже возложить на де Моннье, по чьей милости и был осужден, все судебные издержки.

Вскоре, в 1783 году, Оноре пришлось отстаивать свои права на еще одном судебном процессе, затеянном женой, который завершился не в его пользу. Тогда же Мирабо принял участие в тяжбе между собственными родителями. Дело разбиралось в парижском парламенте, где бунтарь столь яростно ополчился на существующий строй, что вскоре после выступления вынужден был покинуть Францию. Оноре вернулся в Голландию, где познакомился с госпожой де Нера, оказавшей ему внимание и поддержку в трудные минуты жизни. Мирабо очень привязался к этой сильной и уравновешенной женщине, разделявшей его убеждения. Несколько позже он усыновил ее ребенка от первого брака.

В 1784 году этот ярый сторонник государственных преобразований переехал в Лондон, где был принят в лучшее политическое и литературное общество. В Париж он возвратился спустя еще год, а уже в 1786 году его с тайным поручением послали в Пруссию. Мирабо должен был составить отчет о впечатлении, произведенном смертью Фридриха Великого, составить мнение о его преемнике и подготовить почву для займа. Поручение это было выполнено блестяще, министр Калонн получил от посланника 66 писем, которые содержали интересные наблюдения, остроумные выводы, сатирические очерки. Королю Вильгельму II Оноре также отправил письмо с советами относительно необходимых государственных реформ. По возвращении во Францию неутомимый борец за идеи издал брошюру, в которой горячо нападал на Калонна и Неккера. Видимо, именно из-за этого Мирабо не выбрали в собрание нотаблей и вынудили уехать в Тонгр. Там он выпустил еще несколько брошюр, ставших впоследствии основой для знаменитой Декларации прав.

В Провансе уже получивший известность оратор принял участие в первом собрании аристократов своего округа. Однако к заседанию было решено допускать только дворян, имеющих поместья; тогда Мирабо обратился к третьему сословию, поддержав его требование об отмене сословных привилегий. Его нелюбимые отзывы о высших кругах общества послужили толчком к обретению им бешеной популярности. Вскоре Оноре Рикети был избран представителем на собраниях нескольких крупных городов и стал одним из авторитетнейших вождей революции. Народ его почти боготворил и беспрекословно ему подчинялся. Мирабо принимал деятельное участие в Учредительном собрании, в разработке Декларации прав человека и гражданина, Конституции. Несмотря на свои реформистские наклонности, трибун на протяжении всей своей жизни оставался убежденным монархистом. Он считал, что правительство является гарантом общества от анархии, обеспечивает безопасность и стабильность общественной и политической жизни государства, охраняет собственность и свободу граждан. Но для этого необходимо, чтобы правительство было сильным, что, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если правительственная линия соответствует требованиям большинства населения. Как раз это условие во Франции и не выполнялось: между политической системой Людовика XIV и французским народом пролегла настоящая пропасть. Мирабо утверждал, что единственный выход из создавшегося положения – преобразование всей системы. Этот избранник народа обосновывал необходимость снятия ответственности с короля, возложения ее на министерства и назначения министров из среды депутатов.

Трибун пользовался огромной популярностью в среде радикальных парижских революционеров, однако сам при этом стремился занять министерский пост, чтобы способствовать укреплению королевской власти и сдержать нарастание революционной анархии. В то же время Мирабо выступил на королевском заседании с краткой, но очень веской и убедительной речью, в которой потребовал от собрания не подчиняться распоряжению доверенного лица монарха и, во избежание расправы за неповиновение, декретировать неприкосновенность своих членов. Популярность Оноре после этого выступления становится беспрецедентной. В начале июля 1789 года он предложил королю потребовать удалить иностранные войска, угрожавшие столице, одновременно указав ему на необходимость создания собственной национальной гвардии. Однако все это не привело к желаемому. А после смут в Париже, последовавших за взятием Бастилии, Мирабо выступил с яростным протестом против насилия, которое, по его мнению, могло только запятнать свободу. Он утверждал, что общество попросту распалось бы, «если бы толпа приучилась к крови и беспорядкам, приучилась ставить свою волю выше всего и бравировать законы». В конце июля Мирабо также добивается запрещения перлюстрации писем, хотя Робеспьер и высказал свои возражения по этому вопросу. Оноре убеждал общественность и в пользу выкупа церковной десятины, считая ее субсидией, которая может помочь выплачивать жалованье должностным лицам. Слово «жалованье» тогда было не в чести, но противникам пришлось проглотить его после знаменитой фразы трибуна: «Я

знаю только три способа существования в современном обществе: надо быть или нищим, или вором, или получать жалованье». Декларация прав была, фактически, детищем Мирабо, но он настаивал, чтобы окончательная ее редакция была отложена. Оноре считал, что этот документ должен составить первую главу Конституции, так что вначале нужно выработать ее основные положения, иначе декларация может противоречить содержанию остальной части документа. Это требование повлекло за собой серьезные нападки на трибуна, которого обвинили в том, что он хочет, чтобы собрание принимало противоречащие друг другу решения.

Тем временем в стране царили анархия и голод. При дворе начали готовить контрреволюционное выступление. Мирабо, как никто другой, понимал опасность разрушения старого строя прежде, чем будут созданы прочные основы нового. Он надеялся привлечь на сторону преобразований двор, тем самым связав воедино все партии. При этом трибун предлагал двору вполне конституционный образ действий. Реформатор представил также проект учреждения министерства, находящегося в прямом подчинении у собрания и включающего в ряды служащих всех наиболее выдающихся деятелей. В конце концов ему удалось наладить постоянную тайную связь с королевским двором. С 1790 года Мирабо регулярно передавал Людовику записки, в которых предлагал планы спасения монархического строя во Франции. По его мнению, для этого было достаточно признать новую Конституцию, разумно руководить общественным мнением через газеты и сплотить вокруг себя армию. Король, в свою очередь, оценив старания трибуна, обязался взамен оказываемых услуг погасить все долги Мирабо (более 200 тыс. франков), выплачивать ему ежемесячно по 6 тыс. ливров, а по окончании сессии передать миллион франков. Оноре с чистой совестью согласился на эту сделку, так как считал себя министром, получающим плату за труды. Вообще, Мирабо был весьма последовательным в своей деятельности, несмотря на попытки связать в единое целое двор и парламент, которые не были поняты его современниками. Он никогда не изменял своим личным убеждениям, часто действуя вопреки мнению короля и его сторонников. Фактически Оноре поддерживал монархию, при этом непостижимым образом сохраняя верность революции. Значение деятельности Мирабо может подчеркнуть тот беспорядок, который возник после его смерти.

Однако в массы просочился грязный слух о его «великой измене» и продажности. Положение народного любимца становилось все более двусмысленным. Напряженная деятельность, работа, среди которой не находилось места отдыху, непонимание сторонников, сплетни во второй половине 1790 года привели к резкому ухудшению здоровья Мирабо. Он стал плохо видеть, глаза болели. Вскоре его начали мучить длительные приступы острых болей в животе. Его лечили, но безуспешно. Тогда врачи стали утверждать, что у Мирабо «болезнь крови», и начали проводить частые кровопускания. В начале 1791 году здоровье трибуна, казалось, пошло на поправку, но в марте вдруг наступило резкое ухудшение. И все же тяжелые приступы боли не смогли оторвать его от деятельного участия в делах революции. За шесть дней до смерти Мирабо сказал Ла Марку: «Ваше дело выиграно. А я мертв». С этого времени он был уже не в состоянии покидать дом. Врачи поставили ему новый диагноз: острая дизентерия. Больному становилось все хуже, боли нарастали. Когда эскулапы поняли, что источником их является запущенный перитонит, было уже поздно: болезнь не поддавалась ни хирургическим, ни каким бы то ни было иным видам лечения. Несчастному постоянно давали опий, пытаясь хоть на время заглушить боль. А сам Мирабо жадно вдыхал весенний воздух – в последний раз. Когда парижане узнали, что трибун умирает, они собрались в огромные толпы, часами безмолвно простаивая под окнами его дома. Чтобы не нарушать покой умирающего, улицу Шоссе д'Антен засыпали толстым слоем песка – для смягчения звука колес проезжающих колясок. 1 апреля у больного начались такие боли, которые уже не могли заглушить никакие лекарства. Но утром 2 апреля Мирабо почувствовал некоторое облегчение, с трудом подтянулся на руках наверх, устроившись поудобнее на подушках, глубоко вздохнул и сказал: «Спать, спать,

спать...» Это были его последние слова. Он закрыл глаза и сразу же заснул. Но этот сон перешел в смерть.

Мирабо умер в разгар своей деятельности, 2 апреля 1791 года. Ему только исполнилось 42 года. Он работал до самого конца, хотя состояние его здоровья требовало полнейшего покоя. Его трагическая смерть, вызванная ошибкой врачей, заставила замолчать его недругов и клеветников.

Весь Париж присутствовал на похоронах своего великого сына. Национальное собрание постановило захоронить тело знаменитого оратора в соборе Св. Женеьевы, объявленном Пантеоном великих людей. Мирабо был первым, кто удостоился такой чести.

Его прах был похоронен с величайшими почестями. Однако через полтора года, 10 августа 1792 года, в знаменитом «железном шкафу» Людовика, во дворце, были найдены все записки Мирабо. Его проекты спасения монархии стали достоянием гласности, в результате чего революционеры публично назвали его предателем и обвинили в «двойной игре». Останки трибуна, еще недавно с такой пышностью захороненные в Пантеоне, вынесли из усыпальницы великих людей, а на их место уложили останки Марата. Прах же великого трибуна революции перенесли на кладбище казненных, в предместье Сен-Марсо.

УГРЮМОВА МАРИЯ ТЕРЕЗА

(род. в 175? г. – ум. после 1830 г.)

Авантюристка, ставшая причиной крупного политического скандала в Польше. Она сумела посеять раздор между представителями партии короля и сторонниками князя Чарторьского, обвинив каждую из сторон в заговоре с целью убийства. Клеветнические доносы Марии Терезы едва не погубили репутацию многих видных дворян XVIII века, включая короля Польши Станислава Августа Понятовского. После судебного процесса была выставлена к позорному столбу, заклемена и осуждена на вечное заточение.

Все, что известно о Марии Терезе Угрюмовой, мы знаем только с ее слов. Эта молодая очаровательная женщина, с большим успехом пользовавшаяся своим обаянием и незаурядным даром убеждения, возникла словно из ниоткуда. Картину ее жизни, напоминающую не то любовный роман, не то драму, представители петербургского высшего света составили из случайных фраз. Выходило, что Угрюмова родилась в Голландии, в дворянской семье де Нери. Была замужем за неким Леклерком, который из любви к ней похитил у ювелира огромный бриллиант, был схвачен и отправлен на виселицу. После его смерти Мария Тереза обзавелась любовником. Но их союз не был долгим: приревновав возлюбленную к королю Франции, тот вызвал монарха на дуэль. Подосланные убийцы зарезали пылкого юношу, чтобы не допустить поединка. Несчастная вдова осталась совершенно одна. Но тут на ее пути встретился пожилой барон фон Лаутенбург, который постарался сделать все возможное, чтобы утешить несчастную женщину в ее горе. Ценил его чувства, Мария Тереза скрытно обвенчалась с ним. Но барон,

чье здоровье давно уже оставляло желать лучшего, не вынес накала страстей и умер прямо в ее объятиях. Наследники, не поверившие в искренность чувств новобрачной, оставили ее без всяких средств к существованию.

Несмотря на некоторую экстравагантность биографии (или благодаря ей – ведь люди падки на все необычное), баронессу фон Лаутенбург в свете приняли радушно. Она бегло говорила на трех языках (французском, английском и немецком), знала музыку, прекрасно танцевала, отличалась живым умом. Наконец, была просто очаровательна. Так что усомниться в ее прошлом никто и не подумал. Вскоре баронесса нашла себе пару в лице коллежского асессора Угрюмова. Этот гражданский чин соответствовал воинскому званию «майор», и впоследствии Угрюмову стали называть «майоршей».

Вскоре мужа назначили на службу в Варшаву, поскольку в Речи Посполитой в то время находилось немало российских войск и гражданских учреждений. Мария Тереза поехала вместе с ним. В то время Польшей правил король Станислав Август Понятовский. Некогда он был фаворитом Екатерины Великой, и польский трон достался ему в качестве воистину царского подарка. Разумеется, у вельможных патриотов была своя кандидатура – князь Адам Чарторыйский. Он был претендентом № 1 и по рождению, и по богатству. Поэтому неудивительно, что князя Адама с детства готовили к роли короля Польши. Так что к ставленнику Екатерины отношение было довольно прохладным. До появления на сцене майорши Угрюмовой между Чарторыйским и Понятовским (и их сторонниками) сохранялся своего рода вооруженный нейтралитет. Но вскоре разразилась буря, центром и направляющей силой которой стала Мария Тереза.

В 1782 году майорша Угрюмова нанесла визит графу Августу Мошинскому, известному стороннику короля. Пропуском и рекомендацией стала располагающая внешность авантюристки. Первая же фраза прекрасной пани повергла Мошинского в глубочайшее изумление. Гостья утверждала, что против короля готовится заговор и ей необходимо срочно встретиться с Его Величеством. Оправившись от шока, граф попытался разузнать подробности, но Угрюмова сказала, что сообщит их только королю...

При встрече с Понятовским она перечислила руководителей заговора: графа Браницкого, графа Понинского и Тизенгауза. Подробностей о времени, способе действия заговорщиков и прочих деталях она сообщить не смогла. Поначалу король решил, что имеет дело с очередной авантюристкой, рассчитывающей на вознаграждение за донос. Однако Мария Тереза отказалась от 50 дукатов, которые король предложил ей за информацию. Ему пришлось силой положить деньги в ее сумочку. После ухода Угрюмовой король задумался. Само существование заговора было вполне возможным. Но действующие лица, которых назвала майорша, были преданными сторонниками Екатерины. Как сказали бы сегодня, у них отсутствовал мотив... И Понятовский благополучно забыл о странном визите.

Вскоре Мария Тереза вновь появилась в доме Мошинского. На этот раз она почти прямо попросила денег, которые были нужны для того, чтобы раскрыть заговор. По словам Угрюмовой, для этого необходимо было поехать в Литву, и на дорожные расходы ей требовалось двести дукатов. Граф ответил, что не располагает такой суммой, и вежливо проводил гостью. После этого два года об Угрюмовой ничего не было слышно.

В 1784 году Мария Тереза вновь напомнила о заговоре, на этот раз – королевскому камердинеру Рыксу. Правда, роли действующих лиц несколько изменились: Тизенгауз был представлен как ее любовник, а главным злоумышленником объявлен князь Адам Чарторыйский. По словам Угрюмовой, он уже отдал своим сообщникам приказ убить Станислава Августа при первой же возможности. Это звучало более правдоподобно, и камердинер настолько растерялся, что даже не предложил вознаграждения за информацию.

Через три месяца неутомимая майорша решила сменить аудиторию. А заодно – и сюжет своего повествования. 11 января 1785 года она, благодаря посредничеству английского него-

цианта Вильяма Тейлора, живущего в Варшаве, встретила с князем Чарторыйским. Угрюмова, вся в слезах, поведала князю, что камердинер Рыке и генерал Комажевский пытались склонить ее к покушению на его жизнь. Рыке будто бы предлагал завлечь Чарторыйского в любовные сети и, измучив его любовными играми, заколоть во сне кинжалом. А генерал предлагал подсыпать в вино яд. Пакетик она принесла с собой в кармане. Свое появление у предполагаемой жертвы майорша объясняла на удивление просто и логично: «Я согласилась для виду, однако убийцей быть не хочу, и потому я здесь...» Князь Адам поначалу не поверил. Он предложил Угрюмовой двести дукатов, если она признается, что все сказанное ею – вымысел. Но Мария Тереза продолжала свою линию. Она изобразила, что страшно оскорблена предложением Чарторыйского и его недоверием к ее рассказу. А попутно упомянула, что Рыке обещал ей тысячу дукатов одновременно, пятьсот дукатов ежегодной пожизненной пенсии, а также поместье, лишь бы она выполнила поручение. Князь склонился к мысли, что лучше поверить гостье, но попросил ее изложить все сказанное на бумаге. Она согласилась, записала свой рассказ и подписалась: Мария Тереза, майорша д'Угрюмова, рожденная баронесса фон Лаутенбург. Довольно странно – ведь, по ее же словам, при рождении она носила фамилию де Нери...

Князь, как и королевский камердинер, не дал за информацию ни гроша. Хотя пообещал, что в будущем у нее не будет причин жаловаться. Письменное свидетельство заставило его почти поверить в историю с заговором, но дело было настолько щекотливым, что требовало более веских доказательств. И Чарторыйский предложил Угрюмовой вывести Рыкса на чистую воду. Для этого Мария Тереза пригласила камердинера к себе, спрятав князя Адама и его друзей в соседней комнате. Они внимательно прислушивались к каждому слову светской беседы. Но майорше, при всей ее изворотливости, никак не удавалось перевести разговор в необходимое русло. Наконец она решила действовать «в лоб» и спросила, не желает ли Рыке, чтобы она отравила Чарторыйского. Камердинер успел сказать только одно слово: «Браво!». В комнату сразу же ворвались друзья князя. Рыке и майорша были арестованы. Его отправили за решетку, а очаровательную доносчицу поселили в доме княгини Любомирской, которая жалела несчастную жертву обстоятельств, стремилась утешить ее и даже подарила 500 дукатов.

Чарторыйский использовал сложившиеся обстоятельства с немалой пользой для себя и своих сторонников. Он затеял уголовный процесс против Рыкса и Комажевского, создавший в Польше взрывоопасную политическую ситуацию. Его сторонники на каждом углу говорили о том, что правящий король неоднократно пользовался услугами наемных убийц, устраняя неудобных. В качестве основного исполнителя «заказов» называли майоршу Угрюмову. В одной из брошюр, вышедших вскоре после начала процесса, был опубликован поименный список предыдущих шестнадцати жертв. Сторонники короля не оставались в долгу и клеймили Чарторыйского как изменника, покушавшегося на престол. Екатерина Великая была крайне озабочена. Непопулярность в народе ее бывшего фаворита могла закончиться нанесением серьезного ущерба российской политике в Польше. Она слала русскому послу в Варшаве депешу за депешей, требуя от него употребить все средства для того, чтобы «ненавистное дело майорши» было улажено. Какими путями действовал посол – остается загадкой. Однако во время процесса было установлено, что все действия Угрюмовой и ее утверждения не имеют под собой реальной почвы. Никакого заговора не было. Яд в пакетике – фантазия зарвавшейся авантюристки. Подстрекательство к преступлению – клевета. Впечатление подкреплялось еще и тем, что показания Угрюмовой и всех остальных абсолютно не стыковались между собой.

Немаловажную роль сыграло и то, что майорша оказалась вовсе не той, за кого себя выдавала. Опасаясь международного скандала, об Угрюмовой осторожно навели справки. И выяснилось, что к семейству де Нери, как и к роду фон Лаутенбургов, она не имеет ни малейшего отношения. Однако лично Марию Терезу в Европе прекрасно помнили. Она считалась украшением балов и приемов, на которых откровенно соблазняла титулованных особ. В искусстве обольщения с ней мало кто мог соперничать. Разумеется, Угрюмова – не куртизанка в прямом

смысле этого слова, хотя многие щедро вознаграждали ее за интимные услуги. Скорее – популярная красавица, ведущая легкую и беззаботную жизнь. Обвинитель и адвокат полученную информацию использовали по-разному. Обвинение настаивало на том, что Мария Угрюмова – наглая обманщица и авантюристка, погрязшая в самом гнусном разврате. Адвокат пытался убедить собравшихся, что она – просто темпераментная молодая женщина, которая запуталась в обстоятельствах и действовала без злого умысла. Однако никакое заступничество не помогло. 15 марта 1785 года трибунал огласил приговор, признавший справедливыми обвинения в злостной клевете, присвоении чужих фамилий и опасном вымысле о несуществовавших заговорах против короля и князя Чарторыского. Наказание было весьма суровым: выставить майоршу Угрюмову у позорного столба на площади, раскаленным железом наложить ей на левую лопатку клеймо с изображением виселицы, после чего содержать в вечном заточении.

Приговор был приведен в исполнение через месяц с небольшим, 21 апреля 1785 года. После клеймения Угрюмову поместили в крепость в Данциге. Правда, через несколько лет она объявилась в одном из имений Чарторыского. Вероятно, князь выполнил свое обещание, данное молодой пани. А последнее упоминание о Марии Терезе относится к 1830 году. Хронист сообщает, что она была по-прежнему энергична и обаятельна, а молодые паны из окрестных поместий краснели в смущении под ее вызывающим взглядом. Деталь, безусловно, добавляет романтики, но давайте посчитаем. Только со времени первого доноса Марии Терезы прошло 48 лет! А ведь ко времени ее появления в Польше она успела изрядно повеселиться в Европе. Ее видели в Венеции, Берлине, Гамбурге. Так что к 1830 году ее возраст был уже преклонным – где-то 60–65 лет. Едва ли молодые паны были такими почитателями древности... Но неточность хрониста – лишь небольшой эпизод в серии загадок жизни майорши Угрюмовой.

Так и осталось неизвестным, кем она была на самом деле. Следствие установило, что она не имеет отношения к тем дворянским родам, имена которых использовала долгое время. Но где и когда родилась Мария Тереза? Наиболее вероятной считают версию, согласно которой она была крепостной девкой, обученной грамоте, языкам, этикету и прочим премудростям. Это могло произойти только при условии, что будущая майорша была либо незаконной дочерью кого-то из дворян, либо его любовницей. И в том и в другом случае она могла получить вольную и некоторое количество денег в качестве отступного. В Европе авантюристка, скорее всего, оказалась вместе со своим покровителем (кто бы он ни был), но затем оказалась предоставлена самой себе. Возможен ли такой вариант? Вполне. Но с тем же успехом можно предположить, что Угрюмова происходит из обедневшего дворянского рода одной из европейских стран. Или вовсе не дворянского...

Довольно странным кажется и поведение ее мужа – коллежского асессора Угрюмова. Куда он смотрел? В Варшаву супруги приехали вместе, но во всех позднейших событиях участвовала только «майорша». Майор как сквозь землю провалился, предоставив супруге заниматься бог знает чем, наносить в одиночку светские визиты, принимать у себя в доме заговорщиков... О супруге вспомнили только тогда, когда дело дошло до судебного разбирательства. Угрюмов был привлечен в качестве свидетеля. Как ни странно, оказалось, что он пару раз был свидетелем визитов Рыкса и Комажевского. А когда поинтересовался у жены, о чем был разговор, она сказала, что ей было бы скучно ему все это растолковывать. И он смирился...

Возникает еще один вопрос: чем объясняется довольно странный поступок князя Чарторыского, освободившего узницу из вечного заточения и поселившего ее у себя? Это – явное проявление благодарности. Но за что? Ведь во время процесса было установлено, что никакого покушения король не готовил, а Угрюмова – ловкая мошенница. Однако в этой истории все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Те, кто освещал судебный процесс, не смогли назвать ни одного убедительного мотива, которым бы руководствовалась Мария Тереза. Одни подозревали жажду наживы (но вспомним: авантюристка вовсе не пыталась «продать» информацию, она делилась ею безвозмездно). Другие склонялись к выводу, что майорша про-

сто развлекалась. Но это развлечение – вовсе не в ее стиле. Если бы она попыталась соблазнить кого-то из участников событий, то версию интриганства от скуки можно было бы принять на веру. Нет, здесь что-то не сходится. Возможно, авантюристке хотелось славы? И повышения социального статуса? Если бы она в действительности предотвратила покушение на короля или Чарторьского, ее бы называли ангелом-хранителем. И награда (вполне ощутимая) последовала бы и в том, и в другом случае. Король вполне мог посодействовать продвижению ее мужа по службе. Князь Адам – оказать «материальную помощь». Эта версия объясняет и смену партии: не оценили в одном месте – значит, оценят в другом. Но с какой стати князю Адаму принимать участие в судьбе авантюристки? Только для того, чтобы сдержать обещание? Нет, у Чарторьского имелись другие причины считать себя обязанным майорше Угрюмовой. Вольно или невольно, но она способствовала тому, что князя стали воспринимать чуть ли не как мученика, чудом избежавшего смерти. А Понятовский выглядел в глазах Европы злодеем, покусившимся на жизнь своего двоюродного брата. Кроме того, процесс способствовал укреплению в Польше антироссийских настроений. И хотя постановлением сейма в 1786 году дело Угрюмовой было официально предано забвению, отголоски его долго гуляли по Европе. Стараниями Екатерины II из судебного разбирательства удалось исключить графа Браницкого – одного из преданных сторонников России. Остальные названные Угрюмовой лица были полностью оправданы (за исключением Рыкса, которого приговорили к полугодовому заточению за общение с мошенницей). Но оправдание носило формальный характер. В общественном мнении сторонники Екатерины так и остались участниками заговора и лицами в высшей степени подозрительными. Тем более что большая часть документов, фигурировавших на процессе, была торжественно уничтожена.

Кстати, участие Марии Терезы в польском скандале могло быть вовсе не добровольным. Легко предположить, что кто-то из сторонников князя Чарторьского опознал в майорше Угрюмовой блистательную красавицу, чьими услугами он пользовался во время пребывания в Европе. Это открывало превосходные возможности для шантажа. И авантюристка, которая только-только успела вздохнуть с облегчением (ведь ее жизнь наконец-то стала налаживаться), оказалась перед выбором: либо рискнуть и принять участие в тщательно спланированной операции, либо быть опозоренной перед всем светом. Тогда история предстает совсем в ином свете: визит Угрюмовой к королю и разошедшиеся после него слухи должны были подготовить почву для скандала. Ведь в то, что Понятовский ни с того ни с сего решил положить конец вооруженному перемирию, поверить сложно. А в случае, если он стремился опередить соперника, не проверив полученную информацию, все выглядело абсолютно правдоподобно. А может быть, те политические силы, которые стояли за спиной Угрюмовой, рассчитывали как раз на то, что король поверит обвинению и арестует злоумышленников. Это дестабилизировало бы отношения с Россией. Но в любом случае в выигрыше оказалась бы партия патриотов и ее предводитель – князь Адам Чарторьский. Если эта версия верна, то весьма интересно: знал ли князь об интриге с самого начала? Или просто вовремя воспользовался обстоятельствами? Но, как бы там ни было, Мария Тереза сделала все, что от нее зависело. И осталась в человеческой памяти примером старой истины: незначительные события часто имеют грандиозные последствия. А слабая женщина может стать угрозой для целого государства.

МЕДОКС РОМАН МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1795 г. – ум. в 1859 г.)

Русский авантюрист. Под именем поручика лейб-гвардии конного полка и адъютанта министра полиции Соковнина пытался собрать ополчение из горцев для борьбы с французами. Когда обман был раскрыт, Медокса посадили в Петропавловскую крепость. В 1825 году его сослали рядовым в сибирские батальоны. За попытку фальсифицировать заговор против императора был осужден и заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда выпущен только в 1855 году.

Смутные времена, как, например, война или смена власти в государстве, выносят на поверхность общества мошенников и авантюристов разных мастей. Зачастую эти люди обладают даром убеждения и разносторонними талантами, которые в обыденной жизни раскрыть и применить не удавалось.

Именно таким человеком был Роман Медокс, чья жизненная история может послужить основой для авантюрного романа. О подобных историях говорят: невероятно, но факт. Достоверность событий подтверждают документы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве.

В декабре 1812 года в город Георгиевск, в то время центр Кавказской губернии, прибыл молодой человек приятной наружности в новеньком мундире офицера конной армии. Обратившись в Казенную палату и представившись поручиком Соковниным, личным адъютантом министра полиции генерала А. Д. Балашева, молодой офицер потребовал выдать ему 10 тыс.

рублей ассигнациями и 2 тыс. рублей серебром «по случаю препорученного ему экстренного дела». В подтверждение своих полномочий он предъявил предписание министра финансов Д. А. Гурьева от 24 ноября того же года, в котором палате строго указывали немедленно по требованию поручика Соковнина отпустить «все нужные ему суммы денег, числа коих по экстренности сделанного ему поручения означить невозможно». Если же денег в казне окажется недостаточно, предлагалось выдать три четверти запрошенной суммы, а о недостаточных средствах срочно донести министру финансов с нарочным курьером.

Ко времени появления поручика в Казенной палате о нем был наслышан весь город. Блестящие манеры, светский лоск и несомненное знание своего дела очаровали даже вице-губернатора Врангеля, которому по приезде отрекомендовался Соковнин. Он приказал коменданту Георгиевска плац-майору Булгакову оказать молодому офицеру всяческое содействие в его сложной, но благородной миссии – формировании конного полка из горцев для отправки в действующую армию на войну с французами. Врангель и Булгаков представили гостя влиятельным людям города, и вскоре слух о блестящем молодом офицере из столицы разнесся по всему Георгиевску. Соковнин произвел впечатление даже на сурового армейского генерала С. А. Портнягина, командующего Кавказской линией. Бывалому вояке импонировала идея создания конного полка из горцев, хотя она была не нова. В разное время ее пытались осуществить главнокомандующий в Грузии князь Цицианов и главнокомандующий на Кавказской линии генерал-лейтенант Ржищев, но безуспешно. Теперь за ее воплощение взялся Соковнин, а Семен Андреевич Портнягин стал ему активно помогать. Он возил поручика по кордону, знакомил с обстановкой на пограничной линии и даже приказал издать прокламации к горским народам, агитируя их вступить в ополчение.

Для этих целей и нужны были деньги. Однако Казенная палата за неимением свободных средств удовлетворять требование Соковнина не спешила. Некоторые подозрения вызывала у чиновников и достоверность подписи министра финансов, но личное распоряжение вице-губернатора Врангеля об отпуске денег «без малейшего промедления» заставило казначеев изыскать необходимую сумму.

Полученные 10 тыс. рублей (огромная по тем временам сумма) пошли на выплаты тем горским князьям, которые изъявили желание воевать с Наполеоном. Благодаря личному влиянию генерала Портнягина к вступлению в ополчение удалось склонить многих знатных горцев. Первыми на место сбора явились князья Бековичи-Черкесские, Рослаббек и Араслан-Гирей – потомок Чингисхана. По их примеру стали подтягиваться подвластные им удзени и дворяне. Видя успех дела, генерал Портнягин так растрогался и воодушевился, что внес свои собственные 500 рублей и торжественно вручил свою шашку одному из горцев. Тем более, что успех этот был просто ошеломительным. Не конная сотня, о которой раньше мечтали, собралась, готовая отправиться бить французов, а несколько тысяч всадников-горцев – хорошо обученных, экипированных, вооруженных, – словом, настоящая отборная конница.

Сегодня трудно судить, насколько могла бы она изменить расклад сил в войне с Наполеоном, но поддержку русской армии, несомненно, оказала бы весьма серьезную. Так, известный военный историк и историограф Василий Потто, упоминая об этой горской коннице в своей книге «Кавказская война», утверждает: «Есть основание думать, что появление их на европейском театре могло бы значительно повлиять на ход военных действий, и с другой стороны, внести много новых вопросов в область военной науки и кавалерийского дела. Быть может также, что это обстоятельство повело бы к сближению горцев с русскими и имело бы влияние на весь последующий ход и события Кавказской войны».

Но Европа так и не увидела грозных кавказских воинов. В то время как Соковнин и Портнягин объезжали Кавказскую линию, собирая горцев в поход, один из советников Казенной палаты Иван Хандаков, усомнившись в полномочиях молодого офицера, направил министру финансов донесение, в котором сообщалось о выдаче денег Соковнину и спрашивалось,

«следует ли производить далее денежную выдачу поручику всякий раз, когда он того потребует и в каком объеме».

Пришедший 15 января 1813 года ответ министра финансов произвел переполох в Георгиевске. Из Петербурга уведомляли, что ни о каком лейб-гвардии поручике, посланном на Кавказ «со специальной миссией», там и слыхом не слыхивали. Поступило распоряжение арестовать самозванца и отправить в столицу.

На допросах Соковнин сначала выдавал себя за Всеволжского, затем за князя Голицына. Оказалось, что блестящий молодой офицер не кто иной, как Роман Медокс – сын московского антрепренера, выходца из Англии Михаила Медокса. До сих пор доподлинно неизвестно время его рождения: сам он указывал 1795 год, его племянник утверждал, что Роман Михайлович родился в 1789 году, а в деле его жандармами была указана еще одна дата – 1793 год. В юности Медокс получил довольно приличное образование, знал помимо обязательного тогда французского еще и латынь, немецкий, английский, старославянский и несколько языков кавказских и сибирских народностей. Однако за свое распутство был изгнан из дома и вынужден был с ранних лет зарабатывать себе на жизнь. Некоторое время Медокс служил писарем в полиции, а в начале войны 1812 года вступил в ополчение, где числился корнетом в отряде донского атамана Платова. Очень скоро ему наскучила монотонная служба, не сулившая орден и наград. Молодой человек любил размах, обожал внешние эффекты и имел склонность к чудесным превращениям, переодеваниям и авантюрам. В своих записках впоследствии он признавался: «Для моего счастья нужен блеск красок и металлов... природа дала мне чувства пылкие». Поэтому он вскоре сбежал из части, не забыв прихватить с собой полковую казну. На эти деньги он сшил себе прекрасный гвардейский мундир и отправился на Кавказ. Дальнейшее развитие событий происходило совсем не так, как задумывал авантюрист.

На допросах открылись и другие интересные детали: например умение лжепоручика искусно подделывать подписи государя и министров, благодаря чему ему удавалось долгое время водить за нос чиновников Казенной палаты Георгиевска. Кроме того, на одной из промежуточных почтовых станций у него был сообщник, который задерживал посылавшиеся ранее запросы для установлений полномочий Соковнина, а ответы он писал сам, подделывая подписи. Не удалось ему только перехватить послание И. Хандакова, которое стало роковым для Медокса и привело к провалу так успешно начатого им дела.

Помимо деталей обмана следователей интересовала также причина, по которой Медокс затеял всю эту авантюру. Однако на все вопросы несостоявшийся герой отвечал односложно: «Я хотел служить Отечеству в смутные времена, и если нарушал закон, то ничего не делал против своей совести. Наконец меня легко проверить. Черкесы готовы к походу, и я советовал бы не распускать их».

И действительно, никаких фактов, позволяющих обвинить Медокса в присвоении полученных денег, установлено не было. Денежная отчетность велась аккуратно, небольшие суммы, предназначенные для выплат горским князьям, он раздавал в присутствии комендантов и даже истратил на задуманное дело свои 3 тыс. рублей. Но это не имело уже никакого значения. Романа Медокса под конвоем отправили в Петербург. Горское ополчение было распущено.

Но он был не единственным пострадавшим в этой истории. Невольные соучастники обмана Медокса тоже были сурово наказаны: вице-губернатор Врангель был отстранен от должности, кроме того, вместе с генерал-майором Портнягиным и некоторыми чиновниками Казенной палаты он вынужден был «как можно скорее пополнить в казну выданные десять тысяч рублей».

Дальнейшая судьба Медокса складывалась весьма непросто. По прибытии в Петербург он был помещен в Петропавловскую крепость и осужден по всей строгости тогдашних законов. 14 лет провел авантюрист в заключении и ссылке. Лишь в 1827 году царь Николай I удовлетворил его просьбу о помиловании и разрешил поселиться в Вятке под надзором полиции.

Однако вопреки здравому смыслу Роман Медокс не стал вести себя более благоразумно. Почувствовав вкус свободы, он пустился в новые приключения. Авантюрист сбежал из Вятки и очутился в Екатеринодаре. Там его вновь арестовали, но по дороге в Петербург он опять сбежал и появился в Одессе, откуда написал письмо Николаю I. По повелению царя в 1829 году Медокса сослали в Иркутск. Установив контакты с Третьим отделением, он решил свою неумную энергию применить на ниве политического сыска и сделать карьеру жандарма.

В то время городничим Иркутска был А. Н. Муравьев, прежде осужденный по делу декабристов, затем помилованный, но оставленный под подозрением. Несмотря на солдатское звание, Медоксу удалось войти в доверие к нему и его семье, чему немало поспособствовало знакомство авантюриста с Алексеем Юшневским, с которым они вместе сидели в Шлиссельбургской крепости. А благодаря своим «изящным способностям и образованности» он даже стал домашним учителем в доме Муравьевых. Наблюдая за городничим и его родственниками, авантюрист выяснил, что Муравьевы и проживающая в их доме Варвара Шаховская, невеста декабриста Петра Муханова, поддерживают нелегальные отношения с Петровским заводом, где содержались каторжане-декабристы. Сообщив об этом относительно невинном факте властям, Медокс решил создать на таком убогом фундаменте здание грандиозной провокации. Тайная полиция Иркутска, желая показать собственную значимость и возвыситься в глазах столичного начальства, дала согласие на проведение операции.

Мошенник собрался сыграть на самом слабом звене в этой истории – романтической натуре Варвары Шаховской. Пытаясь разыграть роль влюбленного, он написал целый фальшивый дневник, каждая страница которого содержала лживые признания в любви. Тетрадку эту он оставлял всегда на видном месте, рассчитывая на женское любопытство. Неизвестно, как отнеслась к Медоксу и его чувствам молодая княжна Шаховская, но в мнимом заговоре авантюрист отвел ей ключевую роль. Воображение его работало исправно, и вот уже в Петербург полетела депеша с сообщением о готовящемся преступлении. Жандармы Третьего отделения ужаснулись, когда узнали, что Муравьев, двоюродный брат второго лица в тайной полиции А. Мордвинова, пригласил у себя в доме главарей подпольного тайного общества с филиалами не только в Иркутске, но и в Москве и Петербурге. Возникший на бумаге «Союз Великого Дела» якобы поддерживал связь с осужденными декабристами и своей главной целью ставил свержение правящей династии. Для подтверждения своих слов Медокс сфабриковал от имени декабриста Юшневского фальшивую шифровку крамольного содержания. Как ни странно, провокатору легко поверили. Из столицы к нему на помощь был выслан ротмистр Вохин, который устроил Медоксу поездку на Петровский завод, где содержались декабристы. Там, пользуясь знакомством с женой Юшневского, он перезнакомился с декабристами и составил донесение, подтверждавшее существование разветвленного заговора. В качестве вещественного доказательства Медокс представил некий им же самим сфабрикованный документ («купон»), который должен был послужить ему верительной грамотой для доступа в столичные круги «Союза Великого Дела».

В Петербурге дело «о злоумышлениях между государственными преступниками» предстояло вести Александру Николаевичу Мордвинову. Полтора года начальник канцелярии Третьего отделения находился в двусмысленном положении следователя по делу своих родных. Роман Медокс не упустил случая сообщить об этом императору. Намекая на пристрастное к нему отношение, он писал: «Я донес сентября 1832-го, а выехал из Сибири октября 1833-го – через целый год... Прибыв в Москву и узнав от генерал-лейтенанта Лесовского, что нет и не ожидается никакого предуготовления к моему действию, я с его согласия сам отправился для объяснения в С.-Петербург, где, явившись к начальнику Третьего отделения канцелярии Его Величества Мордвинову, встретил одни угрозы...»

Глава тайной канцелярии А. Х. Бенкендорф, стараясь избавиться от навязчивого информатора, отправил Медокса в Москву, где он якобы должен был явиться со своим «купоном»

к членам тайного общества. Власти начали расследование по его доносам, а он тем временем проживал казенные деньги в Москве. Приставленный к нему жандармский генерал требовал от него конкретной работы, но Медокс либо обещал грандиозные результаты в ближайшем будущем, либо строчил бессмысленные доносы на заведомо лояльных людей (эти доносы также расследовались). И продолжал жаловаться. «Господин Мордвинов, – писал Медокс императору, – ничего не слушая, заключил меня при штабе корпуса жандармов и после освобождения с приказанием отправиться в Москву. В Москве я снова очутился в ужаснейшем заключении, которое господин Мордвинов предсказал, обещавши сгноить меня в крепости».

Вечно так продолжаться не могло, и власти начали подозревать провокатора в обмане. Почувствовав опасность, Медокс, успевший к тому времени выгодно жениться, прихватил полученное приданое и скрылся. Весело пожив в провинции и растратив все деньги, он вернулся в Москву с обширными планами новых авантур. Однако реализовать их ему не удалось. Семья обманутой жены уже давно разыскивала своего беспутного родственника, чтобы передать его в руки полиции. Медокс попытался было действовать старыми методами и оттянуть тяжесть наказания с помощью новых сенсационных «разоблачений», но тут ему пришлось еще раз убедиться в том, что с силовыми ведомствами шутики плохи. Мошенник вынужден был сознаться в обмане и вновь надолго оказался в Шлиссельбургской крепости. Только через 22 года его, уже глубокого старика, освободили указом Александра II, а через три года Роман Медокс скончался.

Позднее конно-мусульманский полк был все-таки сформирован. Особый отряд, составленный из представителей лучших горских фамилий, стал личным конвоем государя. И высокое доверие к кавказским горцам не могло не вызвать в них чувство гордости и преданности русским монархам.

СОБАНЬСКАЯ КАРОЛИНА

**Полное имя – Каролина-Розалия-Текла
Ржевуская-Собаньская-Витт-Чиркович-Лакруа**

(род. в 1793 г. – ум. в 1885 г.)

Знаменитая польская авантюристка, правнучка королевы Франции Марии Лецинской. Была тайным агентом политического сыска, сыграла заметную роль в судьбах многих известных личностей своего времени. В Собаньскую были влюблены А. Мицкевич и А. Пушкин. Ее часто называли «Одесской Клеопатрой».

Каролина Собаньская родилась в 1793 году под Бердичевом, в поместье Погребищенский Ключ, принадлежавшем семье графов Ржевуских. Родные называли ее Лолиной или Лоли. Очень рано ее выдали замуж за Иеронима Собаньского, подольского помещика, предводителя дворянства Ольгопольского повята, владевшего доходным торговым домом в Одессе. Супруг был старше Лолины на 33 года, имел репутацию человека дурно воспитанного, пьяницы, невежды и развратника. С мужем ее ничего не связывало. Воспользовавшись временным нездоровьем после рождения дочери Констанции, Каролина сумела в 1816 году получить от Подольской римско-католической консистории разрешение впредь до выздоровления жить отдельно от мужа. В 1825 году, после смерти отца, она добилась развода.

Каролина получила прекрасное образование и воспитание и очень гордилась своим происхождением (девушка приходилась правнучкой французской королеве Марии Лещинской). Мать ее происходила из старинного рода Рдултовских, а по отцу она была родственницей княгини Ржевуской, которую гильотинировали на Гревской площади в Париже вместе с королевой Марией Антуанеттой. Ветви генеалогического древа ее рода восходили по обеим линиям к известным в истории гетманам, воеводам, фельдмаршалам и вели к королю Яну Собескому.

Большую роль в воспитании Лоли сыграла ее тетка Розалия, дочь той самой княгини, которая погибла на эшафоте в Париже. Впоследствии она стала женой знаменитого Вацлава Ржевуского, воспетого Мицкевичем и Словацким. Супруги поселились в Вене, где Розалия устроила один из самых знаменитых салонов Европы, который посещали многие известные персоны, даже королевского ранга. Розалия неоднократно бывала в Петербурге, считалась подругой Александра I, который любил разговаривать с ней на мистические темы. Графиню очень уважал и Николай Павлович. Ходили слухи, что, будучи примечательной фигурой при дворе Габсбургов, Розалия оказывала политические услуги Российской империи. Многие историки считают, что она была тем, кого сегодня называют «агент влияния». Лолина часто жила у тетки. Здесь девушка многому научилась, серьезно занималась музыкой, постигала искусство красноречия и эпистолярного жанра, в чем потом не знала себе равных. (Скорее всего, эти способности, как и мотовство, передались ей по наследству от отца.) Тетка блестяще развила у племянницы еще один талант – умение слушать, объяснив, что уши служат не только для того, чтобы выслушивать любовные клятвы... «На свете есть много вещей, достойных того, чтобы их видеть, слышать, говорить о них», – поучала «страшная тетка», обладавшая не только талантом дипломата и политика, но и совершенно несносным характером. Каролина уже тогда была очень красива, но красота без разума, убеждала ее родственница, все равно, что счастье без состояния. Красота только тогда приносит счастье, когда ей сопутствуют искусство жить и ловкость. Надо сказать, что племянница оказалась достойной ученицей своей тетушки.

С годами Каролина довольно открыто стала поклоняться Приапу – богу сладострастия. Искусством распалить страсти в мужчинах она владела виртуозно, но самой крупной ее «добычей» стал граф Иван Осипович Витт, начальник военных поселений на юге России и руководитель тайного сыска в этом районе. Из-за этой связи ее называли наложницей, но Собаньская умела и в этом унижительном положении сохранять достоинство. Она поняла, что мнение окружающих не может лишить ее ни обаяния, ни ума, ни силы характера, и поэтому попросту перестала обращать внимание на пересуды за своей спиной. Положение «незаконной жены» стало причиной той атмосферы отчуждения, которая сохранялась вокруг нее многие годы. Далеко не все считали для себя возможным появляться на приемах у Собаньской, не всегда ее приглашали и на приемы к генерал-губернатору графу Воронцову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.